Уильям ШЕКСПИР

Сонеты

Сонеты
Уильям Шекспир

Аннотация
Уильям Шекспир. Сонеты
Сонеты
1. «Потомства от существ прекрасных все хотят…»
2. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят…»
3. «Подумай, в зеркале увидев образ свой…»
4. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь…»
5. «То время, что в труде приятном взор создало…»
6. «Не дай зиме убить весны все совершенства…»
7. «Когда светило дня вздымает на востоке…»
8. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?..»
9. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился…»
10. «Признайся мне, что ты не любишь никого…»
11. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать…»
12. «Когда мой слух часы бегущие считает…»

13. «О если б мог ты быть всегда самим собой!..»
14. «Я не из звезд свои познанья почерпаю...»
15. «Когда я вижу, что все дышащее вкруг...»
16. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»
17. «Увы, мои стихи все презрят, позабудут...»
18. «Как я сравню тебя с роскошным летним днем...»
19. «Закрой свой львиный зев...»
20. «Тебе девичий лик природой дан благою...»
21. «Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь...»
22. «Нет, зеркалу меня не сделать стариком...»
23. «Как молодой актер – нередко что бывает...»
24. «В художника мой глаз мгновенно превратился...»
25. «Пусть хвастают родством и почестями те...»
26. «Мой властелин, твое очарованье...»
27. «Усталый от трудов, спешу я на постель...»
28. «Как возвратиться мог я бодрым и веселым...»
29. «Когда, гонимый злом, Фортуной и друзьями...»
30. «Когда, в мечты свои душою погруженный...»

31. «Мой друг, в твоей груди сердца те обитают…»
32. «О, если ты тот день переживешь печальный…»
33. «Как часто видел я прекрасную Аврору…»
34. «Зачем пророчить день такой прекрасный было…»
35. «Довольно о своем проступке сожалеть…»
36. «Любовь, что нас с тобой в одно соединяет…»
37. «Как сгорбленный отец огнем очей живых…»
38. «Не может Муза в снах и вымыслах нуждаться…»
39. «Могу ли восхвалять достоинства твои…»
40. «Возьми себе все то, что я люблю, мой друг…»
41. «Различные грешки, рожденные свободой…»
42. «Не в том беда, что ты красоткой обладаешь…»
43. «Глаза мои, укрыв под веками себя…»
44. «Когда мое, как мысль, легко бы тело было…»
45. «Другие ж две – огонь…»
46. «Глаза и сердце в бой вступают меж со-

бою…»
47. «Блеск глаз и сердца бой…»
48. «Сбираясь в путь и свой бросая уголок…»
49. «Ко времени тому, что шествует вперед…»
50. «Мой друг, как тяжело свой путь…»
51. «Любовь моя коню простит все замедленья…»
52. «Я – тот богач, чей ключ к сокровищам его…»
53. «Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана…»
54. «О, красота еще прекраснее бывает…»
55. «Ни гордому столпу, ни царственной гробнице…»
56. «Восстань, любовь моя!..»
57. «Когда мне раз слугой твоим пришлося стать…»
58. «Избави Бог меня, чтоб, ставши раз рабом…»
59. «Когда лишь ново то, что есть и было прежде…»
60. «Как волны к берегам стремятся чередой…»
61. «Уже ль желала ты…»
62. «Глаза мои грешат излишком самомненья…»
63. «Придет пора, когда мой друг…»
64. «Когда я вижу вкруг, что Время искажает…»
65. «Когда земля, и медь, и море, и каменья…»

66. «В усталости моей я жажду лишь покоя!..»
67. «Зачем ему здесь жить, когда зараза с ним...»
68. «Его лицо есть дней минувших отпечаток...»
69. «Та часть тебя, что мир способна озарять...»
70. «Людская брань тебе не вменится в вину...»
71. «Когда умру, меня оплакивай не доле...»
72. «Чтоб свет не мог спросить прекрасную тебя...»
73. «Ты видишь – я достиг поры той поздней года...»
74. «Покоен будь: когда я буду смертью скован...»
75. «Ты то же для меня, что пища для желудка...»
76. «Зачем я не ищу тем новых, как бывало...»
77. «Ты в зеркале своем увидишь, как ты вянешь...»
78. «Как часто Муза, друг, моя к тебе взывала...»
79. «Пока один просил я помощи твоей...»
80. «Я трепещу, когда тебя изображаю...»
81. «Мне ль пережить тебя назначил рок...»
82. «Я знаю, что с моей не связана ты Музой...»
83. «Нуждалась ли ты, друг, в прикрасах...»
84. «Кто лучшею бы мог почтить тебя хва-

лою…»
85. «Взгрустнув, молчит моя задумчивая Муза…»
86. «Его ли гордый стих, прекрасный и могучий…»
87. «Прощай – ты для меня уж слишком дорога…»
88. «Когда тебе придет охота пренебречь…»
89. «Скажи, за что меня покинула, родная…»
90. «Когда моим врагом быть хочешь…»
91. «Иной гордится тем, что в золоте родился…»
92. «Как ни желала б ты укрыться от меня…»
93. «Я буду мыслью жить, что ты еще верна…»
94. «Кто может вред нанесть…»
95. «В какую прелесть ты свой облекаешь грех…»
96. «Одни тебя за пыл и молодость бранят…»
97. «Как было на зиму похоже это время…»
98. «Я далеко, мой друг, был от тебя весной…»
99. «Фиалке ранней я с укором говорил…»
100. «О муза, где же ты? что долго так молчишь…»
101. «Чем, Муза, ты себя в том можешь оправдать…»
102. «Любовь моя сильна – и где ее конец?..»
103. «Как ты бедна, моя задумчивая Муза…»

104. «Ты для меня, мой друг...»
105. «Не называй мой пыл каждением кумиру...»
106. «Когда средь хартий я времен давно минувших...»
107. «Ни собственный мой страх...»
108. «Нет слов, способных быть...»
109. «Не говори, мой друг, что сердце изменило...»
110. «Носясь то здесь, то там, себе же на беду...»
111. «Ты лучше за меня Фортуну побрани...»
112. «Твои любовь и пыл изглаживают знаки...»
113. «Оставивши тебя, я вижу лишь умом...»
114. «Ужель мой слабый дух, исполненный тобой...»
115. «Мой друг, те строки лгут, что прежде я писал...»
116. «К слиянью честных душ...»
117. «Кори мой слабый дух за то, что расточает...»
118. «Как острой смеси мы спешим...»
119. «Как много выпил я коварных слез сирен...»
120. «Хоть жесткость, друг, твоя...»
121. «Уж лучше низким быть...»
122. «Мой друг, подарок твой...»

123. «Не подглядишь во мне ты, Время…»
124. «Любовь моя очей величьем не сразит…»
125. «Скажи, к чему носить мне…»
126. «О, мальчик, в власти чьей…»
127. «Кто б черное посмел прекрасным…»
128. «О, музыка моя, бодрящая мой дух…»
129. «Постыдно расточать души могучей силы…»
130. «Лицом моя любовь на солнце не похожа…»
131. «Такой же ты тиран, как те, что, возгордясь…»
132. «Люблю твои глаза, которые, жалея…»
133. «Проклятие тебе – проклятие тому…»
134. «Итак, я признаю, что твой он, жизнь моя…»
135. «Есть страсти у других, а у тебя есть воля…»
136. «Когда тебя гнетет присутствие мое…»
137. «Слепой и злой Амур…»
138. «Когда она себя правдивой называет…»
139. «Не требуй, чтобы я оправдывал словами…»
140. «Настолько ж будь умна…»
141. «Ты не для глаз моих пленительно-прекрасна…»

142. «Мой грех – любовь…»
143. «Как вставшая с зарей хозяйка-хлопотунья…»
144. «Мне две любви дано для радостей и горя…»
145. ««Я ненавижу!» – с уст, изваянных любовью…»
146. «О, бедная душа, игралище страстей…»
147. «Увы, любовь моя, подобно лихорадке…»
148. «Как страсть могла вложить мне…»
149. «Как ты могла сказать, что не любима мной…»
150. «Что силою тебя такою наделяет…»
151. «Любовь так молода…»
152. «Я полюбил тебя, тем клятву нарушая…»
153. «Пред сном Амур на дерн…»
154. «Раз, возле положив свой факел огнеметный…»

Sonnets. Избранные сонеты на английском языке

1. «From fairest creatures we desire increase…»
4. «Unthrifty loveliness, why dost thou spend…»
5. «Those hours, that with gentle work did frame…»
6. «Then let not winter’s ragged hand deface…»
7. «Lo in the orient when the gracious light…»
10. «For shame! deny that thou bear’st love to any…»

13. «O, that you were yourself! but, love, you are…»
18. «Shall I compare thee to a summer's day?..»
22. «My glass shall not persuade me I am old…»
24. «Mine eye hath play'd the painter…»
29. «When, in disgrace with fortune and men's eyes…»
30. «When to the sessions of sweet silent thought…»
33. «Full many a glorious morning have I seen…»
40. «Take all my loves, my love, yea, take them all…»
42. «That thou hast her, it is not all my grief…»
46. «Mine eye and heart are at a mortal war…»
47. «Betwixt mine eye and heart a league is took…»
52. «So am I as the rich, whose blessed key…»
53. «What is your substance, whereof are you made…»
56. «Sweet love, renew thy force; be it not said…»
58. «That god forbid that made me first your slave…»
60. «Like as the waves make …»
64. «When I have seen by Time's fell hand defaced…»
65. «Since brass, nor stone, nor earth…»
70. «That thou art blamed shall not be thy defect…»
73. «That time of year thou mayst in me behold…»

74. «But be contented: when that fell arrest…»
76. «Why is my verse so barren of new pride…»
78. «So oft have I invoked thee for my Muse…»
81. «Or I shall live your epitaph to make…»
83. «I never saw that you did painting need…»
87. «Farewell!
thou art too dear for my possessing…»
91. «Some glory in their birth, some in their skill…»
93. «So shall I live, supposing thou art true…»
98. «From you have I been absent in the spring…»
99. «The forward violet thus did I chide…»
101. «O truant Muse, what shall be thy amends…»
104. «To me, fair friend, you never can be old…»
106. «When in the chronicle of wasted time…»
115. «Those lines that I before have writ do lie…»
116. «Let me not to the marriage of true minds…»
117. «Accuse me thus: that I have scanted all…»
120. «That you were once unkind befriends me
now…»
121. «‘Tis better to be vile than vile esteem’d…»
124. «If my dear love were but the child of state…»
126. «O thou, my lovely boy, who in thy power…»
129. «The expense of spirit in a waste of shame…»
132. «Thine eyes I love, and they, as pitying me…»
134. «So, now I have confess’d that he is thine…»
135. «Whoever hath her wish, thou hast thy

‘Will,’…»
146. «Poor soul, the centre of my sinful earth…»
147. «My love is as a fever, longing still…»
148. «Oh me, what eyes hath Love put in my head…»

Аннотация

Сонеты Уильяма Шекспира – одна из самых известных загадок поэтического наследия великого английского драматурга. Впервые опубликованные почти пять веков назад, они до сих пор будоражат умы исследователей. Одни ученые утверждают, что все стихотворения отражают жизненный опыт автора, другие, напротив, видят лишь литературное упражнение в модном стиле. Насколько автобиографичен сонетный цикл? Действительно ли был любовный треугольник в жизни Шекспира? Восторженные и мрачные, легкие и глубокие – сонеты касаются важнейших тем человеческого бытия: дружбы, чести, красоты, и, конечно, любви.

Уильям Шекспир
Сонеты

© ООО «Издательство АСТ», 2023
Дизайн серии Елены Амосовой
Дизайн обложки Алексей Филатов

* * *

Сонеты

1. «Потомства от существ прекрасных все хотят...»

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела – не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла —
Ее ростки о ней нам память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам
свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть, —
Ты сам свой злейший враг,
готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшенье,
И вестник молодой пленительной весны,

Замкнувшись, сам в себе
хоронишь счастья сны.
И сеешь вкруг себя одно опустошенье.

Ты пожалей хоть мир – упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

2. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят...»

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, —

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» —
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно
и с сознаньем:
«Вот это мной на свет рожденное ди-

тя
Сведет мой счет и мне
послужит оправданьем».

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остынувшую кровь.

3. «Подумай, в зеркале увидев образ свой…»

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой
И счастья мать одна через тебя лишится.

Кто б пренебречь дерзнул любовию твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрастна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?

Ты матери своей хранишь изображенье —
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости

окну,

Увидишь и вкусишь вновь юности волненье!

Но если хочешь быть забытым, милый мой,

Умри холостяком, а с ним и образ твой.

4. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь...»

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь взаймы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бренный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

5. «То время, что в труде приятном взор создало...»

То время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.

Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму —
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность
и тьму.

Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб

погрузиться в тьму.

Но нежный цвет, в экстракт
на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь,
не запах благовонный.

6. «Не дай зиме убить весны все совершенства...»

Не дай зиме убить весны все совершенства
В себе, пока она плода не принесла!
Создай себе фиал и подари блаженство
Своею красотой, пока не умерла!

Тебя ростовщиком не назовут за это,
Затем что этот долг все платят без труда.
Ты образ свой создашь для счастья
и привета,
А если десять с ним – и это не беда.

И каждый в десять раз тебя счастливей
будет,
Произведя на свет по десять раз тебя,
—
И смерть вражду к тебе надолго позабудет,

Увидя, сколько раз ты повторил себя.

Ты слишком уж красив и мил душе моей,
Чтоб пищей смерти быть, наследьем
стать червей.

7. «Когда светило дня вздымает на востоке…»

Когда светило дня вздымает на востоке
Свой лучезарный лик – восторг у всех
в глазах
И каждый на своем приветствует пороге
Приход его, пред ним склоняяся во прах.

Вступив на высоту небесного восхода,
Как юноша, за грань успевший перейти,
Оно еще влечет к себе глаза народа,
Следящего его в благом его пути.

Когда ж оно во прах склоняется к закату,
Как мир под гнетом лет и бременем труда,
Холодные к его померкнувшему злату,
Лукавые глаза глядят уж не туда.

Так, полдень пережив, и ты, друг, как

руина,
Склонишься в прах,
когда иметь не будешь сына.

8. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?..»

Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?
Прекрасному нельзя
с прекрасным враждовать;
Зачем же любишь то,
что с грустию встречаешь,
И с радостью спешишь все злое воспринять?

Когда гармония согласных звуков хора
В их сочетанье слух твой может оскорбить,
То это потому, что в нем есть тон укора:
Зачем ты все одним предпочитаешь быть.

Заметь, что две струны, касаяся друг друга,
Как мирная семья, в согласии живут,
Где мать, отец и сын, не выходя из кру-

га,

Один прекрасный звук согласно издают.

И песня их без слов твердит тебе и всем:

«Оставшись холостым, останешься ничем!»

9. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился...»

Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился,
Ты одиноко век провесть желаешь свой —
Желаешь, чтоб твой прах такою же слезой,
Как хладный прах жены бесплодной, оросился?

И, сделавшись вдовой бездетною твоей,
Мир будет о твоем бесплодии терзаться;
Тогда как для вдовы способны представляться
За мужнины глаза – глаза ее детей.
Все то, что тратит мот,
лишь место изменяет —
И мир все траты те берет себе в удел!
Но трата красоты имеет свой предел:

Не трогая, он тем ее уничтожает.

Нет к ближнему любви в груди холодной той,

Что поступает так безжалостно с собой!

10. «Признайся мне, что ты не любишь никого...»

Признайся мне, что ты не любишь никого,
Когда и о себе заботишься так мало!
Не мало дев вилось близ сердца твоего,
Но сердце для любви твое не расцветало —

Затем что злобы ты исполнен до того,
Что сам готов вступить с самим собой
в сраженье,
Об удаленье в тень стараясь всего,
Чего б ты должен был искать
восстановленья.

Опомнись, чтоб и я мог мысли изменить!
Ужель жилище зла прекраснее любови?
Ты так красив – сумей настолько ж добрым

быть

И не давай в себе бурлить напрасно крови!

Подобие свое создай хоть для меня,

Чтоб красота жила в тебе иль близ тебя.

11. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать...»

Как быстро будешь ты, стареясь, увядать,
Так быстро и в своем потомстве возродишься,
И кровь – с растратой чьей святыни
примиришься —
Еще живя, своей успеешь ты назвать.

При этом – красота, спокойствие, потомство,
Без этого – болезнь, безумье, вероломство.
Когда бы все как ты решились поступать,
Чрез семьдесят лет мир пришлось бы
отпевать.

Пусть те, кому злой дух назначил
быть скупцами,
Умрут, не дав плода до времени-поры;

Но ты, благих небес осыпанный дарами,
Беречь бы должен был те чудные дары.

Природа образ твой в печать преобразила,
Чтоб оттиски ее потомство сохранило.

12. «Когда мой слух часы бегущие считает...»

Когда мой слух часы бегущие считает,
А глаз следит, как ночь день
в сумрак превращает:
Когда я вижу, как фиалка никнет в прах,
И злая седина является в кудрях;

Когда на лес нагой гляжу я из оконца,
Дававший в летний зной убежище
от солнца,
И вижу, как траву, красу родных лугов,
Увозят, чтоб сухой сложить ее под кров —

Тогда о красоте твоей я помышляю,
Что Время и ее погубит, так как знаю,
Что блеск и красота склоняются во прах,
Чтоб место дать другим, стоящим на глазах.

От Времени ж косы, таящей вероломство,

Способно охранять тебя одно потомство.

13. «О если б мог ты быть всегда самим собой!..»

О если б мог ты быть всегда самим собой!
Но ты принадлежишь себе, покамест
дышишь,
И, смерти чуть шаги зловещие услышишь,
Другому передать обязан образ свой.

Тогда лишь красота, которой обладаешь,
С тобою не умрет – и, превратившись
в прах,
В потомстве снова ты звездою заблистаешь,
Когда твой образ вновь воскреснет
в их чертах.

Кто пасть такому даст прекрасному жилищу,
Когда его еще возможно поддержать,

Чтоб силе вьюг оно могло противостать

И холоду времен, присущему кладбищу?

Тот, кто небережлив! Ведь ты,

друг милый мой,

Имел отца – так пусть и сын то ж скажет твой!

14. «Я не из звезд свои познанья почерпаю...»

Я не из звезд свои познанья почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближенье бурь
по ним предузнавать;

И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянье я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встречу
годах,
Я не могу того властителям открыть.

Все знание мое в глазах твоих, с тобою —
И в этих лишь звездах сумел я прочитать,
Что будут красота и правда процве-

тать,
Когда оставишь ты потомство за собою.

Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда
с красотой.

15. «Когда я вижу, что все дышащее вкруг…»

Когда я вижу, что все дышащее вкруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;

Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вкруг родятся и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:

Тогда, в виду всех зол и суетности бренной,
Краса твоя сильней мне взоры поразит,
И Времени – скупцу,
грабителю вселенной —

Не дать бы лишь твой день
в мрак ночи превратить —

Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

16. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,

Которым так гнетет тебя седое Время?

Зачем не вышлешь, друг, в отпор

на грозный зов,

Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?

Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,

И много пышных клумб средь

девственных садов

Украсить мог бы ты кошницею цветов,

Похожих на тебя, как твой портрет красивый.

Да, жизнь должна сама себя изображать,

Так как перо и кисть не могут приказать

Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.

Ты сохранишь себя, отдавшися любя, —
И долго будешь жить, изобразив себя.

17. «Увы, мои стихи все презрят, позабудут...»

Увы, мои стихи все презрят, позабудут,
Когда они полны твоих достоинств будут,
Хотя – то знает Бог – они лишь гроб пока,
Где скрыта жизнь твоя, хвалимая слегка!

Когда б я красоту твою воспеть был в силах
И перечислить все достоинства твои,
Потомок бы сказал: «Он лжет – поэт любви!
Таких нет между тех, чья участь —
гнить в могиле!»

И перестанет мир листкам моим внимать,
Как бредням стариков болтливых,
неправдивых.
И те хвалы, что лишь тебе принадле-

жат,

Сочтутся за мечты, за звуки стоп игривых.

Но если бы детей имел ты не во сне,

То ты в моих стихах и в них бы жил вдвойне.

18. «Как я сравню тебя с роскошным летним днем...»

Как я сравню тебя с роскошным летним днем,
Когда ты во сто раз прекрасней,
друг прекрасный?
То нежные листки срывает вихрь ненастный
И лето за весной спешит своим путем;
То солнце средь небес сияет слишком жарко,
То облако ему туманит ясный зрак —
И все, что вкруг манит, становится неярко
Иль по закону злой природы, или так —
Случайно; но твое все ж не увянет лето
И не утратит то, чему нельзя не быть,
А смерть не скажет, что все в тень
в тебе одето,

Когда в стихах моих ты вечно будешь жить.

И так, пока дышать и видеть люди будут,
Они, твердя мой гимн, тебя не позабудут.

19. «Закрой свой львиный зев…»

Закрой свой львиный зев,
прожорливое Время, —
И пусть сама земля пожрет своих детей!
Лиши тигрицу гор стальных ее когтей
И Феникса сожги в крови его, как бремя!

В течении своем твори и разрушай
И делай, что на ум ни вспало бы порою,
И с миром, и с его увядшей красотою,
Но только одного проступка не свершай:

Не проводи на лбу, из всех на самом лучшем —
Лбу друга моего – злых черт своим пером;
Нетронутым оставь в пути его своем,
Чтоб образцом красы он мог служить в грядущем.

Но если б ты его и превратило в прах,
Он будет юным жить всегда в моих стихах.

20. «Тебе девичий лик природой дан благою...»

Тебе девичий лик природой дан благою —

Тебе, что с ранних пор владыкой стал моим,

И нежный женский пыл,

но незнакомый с тою

Податливостью злой, что так присуща им,

И боле страстный взор и менее лукавый,

Златящий все, на что бывает устремлен;

Но цвет лица – мужской,

со всей своею славой,

Опасный для мужей и милый для их жен.

Ты б должен был, мой друг,

быть женщиной наружно,

Но злой природы власть, увы, тебе да-

ла,

Мой ненаглядный, то, что вовсе мне не нужно,

И тем меж нами нить любви перерва-ла.

Но если создан ты для женского уча-стья,

То мне отдай любовь, а им – тревоги счастья.

21. «Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь...»

Я не похож на тех, чья Муза, возбуждаясь
К святому творчеству живою красотой
И в гордости своей самих небес касаясь,
Красавицу свою равняет то с луной,
То с солнцем золотым, то с чудными дарами,
Лежащими в земле, в глубоких безднах вод,
И, наконец, со всем, что вкруг нас
и над нами
В пространстве голубом сияет и живет.
О, дайте мне в любви быть искренним —
и верьте,
Что милая моя прекрасней всех других,
Рожденных женщиной; но как ее ни

мерьте,

Все ж будет потемней лампад тех золотых,

Что блещут в небесах! Пускай другой добавит!

Ведь я не продаю – чего ж ее мне славить?

22. «Нет, зеркалу меня не сделать стариком...»

Нет, зеркалу меня не сделать стариком,
Покамест юность лет одних с тобою будет;
Когда ж замечу я на личике твоем
Морщину – о, тогда пусть смерть
меня рассудит!

Краса, в которой ты судьбой заключена,
Мне сердце как плащом волшебным
покрывает,
Так как она в тебе, мой ангел, обитает.
Ну как же мне, друзья, быть старей,
чем она?

О, охраняй себя, подруга дорогая,
Как сам себя начну теперь я охранять,
Твое сердечко тем от бед оберегая,

Как хилое дитя заботливая мать!

Умру – о и своем ты сердце брось заботу;

Ведь ты мне отдала его без повороту.

23. «Как молодой актер – нередко что бывает…»

Как молодой актер – нередко что бывает —
Затверженную роль от страха забывает,
Иль пылкий человек, игралище страстей,
От силы чувств своих становится слабей:

Так точно и со мной! Излить речей любовных
Не смею я пред ней, не веруя в себя, —
И, страстно всей душой прекрасную любя,
Слабею и клонюсь в страданьях безусловных.

Так пусть стихи мои, как смелый проводник,
Предшествуют в пути
словам моим безгласно

И молят о любви успешней, чем язык
Мой умолял тебя так часто и напрасно.

О, научись читать, что в сердце пишет страсть!
Глазами слышать лишь любви дано во власть.

24. «В художника мой глаз мгновенно превратился…»

В художника мой глаз мгновенно превратился

И светлый образ твой на сердце начертил,

Причем портрету стан мой рамой послужил;

Художника ж талант в том ясно проявился,

Что поместил он твой законченный портрет

В жилище сердца так, что ясных окон свет

Ему глаза твои и блеск их затемнили.

Так вот как нам глаза прекрасно послужили:

Мои – твой образ мне представили живым,

Твои же – служат мне проводниками света,

Дающими лучам полудня золотым
Возможность увидать предмет любви поэта.

А все же одного глаза нам не дают:
Увидя, все поймут, но в душу не войдут.

25. «Пусть хвастают родством и почестями те...»

Пусть хвастают родством и почестями те,
Что увидали свет под счастия звездою;
Я ж счастье нахожу в любви – святой мечте,
Лишенный благ иных Фортуной молодою.

Любимцы королей, как нежные цветки,
Пред солнцем золотым вскрывают лепестки;
Но слава в них самих зарыта,
как в могиле, —
И первый хмурый взгляд
их уничтожить в силе.

Прославленный в боях герой на склоне лет,
За проигранный бой из тысячи побед,
Бывает исключен из летописей чести

И теми позабыт, из-за кого лил кровь.

Я ж рад, что на мою и на твою любовь
Никто не посягнет в порыве злобной мести.

26. «Мой властелин, твое очарованье...»

Мой властелин, твое очарованье
Меня к тебе навеки приковало.
Прими ж мое горячее посланье.
В нем чти не ум, а преданность вассала.

Она безмерна, ум же мой убог:
Мне страшно, что не хватит слов излиться...
О, если бы в твоих глазах я мог,
Любовию согретый, обновиться!

О, если бы любовная звезда
Могла мне дать другое освещенье
И окрылила робкие уста,
Чтоб заслужить твое благоволенье!

Тогда бы смел я петь любовь мою —
Теперь же, в страхе, я ее таю.

27. «Усталый от трудов, спешу я на постель...»

Усталый от трудов, спешу я на постель,
Чтоб членам отдых дать, дорогой утомленным;
Но быстро голова, дремавшая досель,
Сменяет тела труд мышленьем напряженным.

И мысли из тех мест, где ныне нахожусь,
Паломничество, друг, к тебе предпринимают,
И, как глаза свои сомкнуть я ни стремлюсь,
Они их в темноту впиваться заставляют.

Но зрение души твой образ дорогой,
Рассеивая мрак, являет мне пред очи,
Который придает, подобно солнцу ночи,

Ей красоту свою и блеск свой неземной.

Итак – мой остов днем, а ум ночной порою

Не могут получить желанного покою.

28. «Как возвратиться мог я бодрым и веселым...»

Как возвратиться мог я бодрым и веселым,

Когда отягощен был путь трудом тяжелым

И тягости дневной не облегчала тень,

Когда день ночь теснил,

а ночь томила день —

И оба, меж собой враждуя, лишь зарями

Сближалися затем, чтоб угнетать меня,

Один – трудом дневным, другая же, скорбя,

Что я тружусь один, – слезами и мольбами.

Чтоб угодить, я дню твержу, что ты светла

И свет ему даешь, когда на небе мгла,

А ночи говорю, что взор твой позла-

щает
Глубь тьмы ее, когда в ней месяц потухает.

Так умножает грусть мне
каждый новый день,
А ночь, сходя вослед, усиливает тень.

29. «Когда, гонимый злом, Фортуной и друзьями...»

Когда, гонимый злом, Фортуной и друзьями,
Оплакиваю я несчастие свое,
Стараюсь твердь смягчить
напрасными мольбами
И проклинаю все – себя и бытие;

Когда я походить желаю на благого,
Иметь его черты, иметь его друзей,
Таланты одного и доблести другого
И – недоволен всем, всей внешностью своей:

Тогда – хоть я себя почти что презираю —
При мысли о тебе, как ласточка с зарей,
Несущаяся ввысь над дремлющей землей,
Свой гимн у врат небес я снова начинаю,

Затем что, раз в любви явившись богачом,

Не поменяюсь, друг, я местом с королем.

30. «Когда, в мечты свои душою погруженный...»

Когда, в мечты свои душою погруженный,
Я вспоминаю путь,
когда-то мной пройденный,
Мне много вспоминать приходится потерь
И сгибшее давно оплакивать теперь.

Отвыкшие от слез глаза их вновь роняют
По дорогим друзьям, что мирно почивают —
И, плача о своих остынувших страстях,
Я сетую о злом оплаченных мечтах.

И я над чашей зол испитых изнываю
И в памяти своей, скорбя, перебираю
Печальный счет всего,
что в жизни пережил,

Выплачивая то, что раз уж уплатил.

Но если о тебе при этом вспоминаю —

Всем горестям конец: я счастье обретаю.

31. «Мой друг, в твоей груди сердца те обитают…»

Мой друг, в твоей груди сердца те обитают,

Что – думал я – в стране теней уже витают;

Царят же в ней любовь с утехами ея

И для меня давно погибшие друзья.

Как много слез любовь коварно похитила

Из глаз моих как дань погибнувшим друзьям,

Тогда как ты их всех в себе самой укрыла —

И вот до этих пор лежат они все там!

Могила ты, где страсть живет, как под землею,

Украшенная вдруг трофеями друзей,

Отдавшими тебе все данное им мною —

И вот принадлежит все вновь тебе,

моей.

Ты образами их в глазах моих светлеешь
И через них теперь всего меня имеешь.

32. «О, если ты тот день переживешь печальный...»

О, если ты тот день переживешь печальный,
В который смерть меня
в ком грязи превратит,
И будешь этот гимн просматривать
прощальный,
Исшедший из души того, кто уж зарыт,
—

Сравни его стихи с позднейшими стихами —
И сохрани его не ради рифм пустых,
Подбор которых так приятен для иных,
А ради чувств моих, измученных страстями.

Ты вспомни обо мне тогда – и возвести:
«Когда бы с веком мог талант его расти,
Любовь бы помогла создать ему тво-

ренья,

Достойные стоять всех выше, без сомненья;

Но так как он в гробу, певцы ж родятся вновь,

То буду всех читать: им – честь,

ему – любовь».

33. «Как часто видел я прекрасную Аврору...»

Как часто видел я прекрасную Аврору,
Когда златились вкруг луга, холмы и лес,
Покорные ее ласкающему взору,
И рдели ручейки алхимией небес.

Но тучам вслед, она покорно позволяла
Топтать в пути свое небесное лицо —
И, нисходя с небес, позорно укрывала
На западе во тьме лучей своих кольцо.

Увы, так и мое светило дня сначала
Победно надо мной горело и блистало,
Явившись лишь на миг восторженным очам!
Теперь же блеск его вновь туча затмевает.

Но страсть моя за то его не презирает:
Пусть меркнет солнце здесь,

коль нет его и там!

34. «Зачем пророчить день такой прекрасный было…»

Зачем пророчить день такой прекрасный было
И приказать мне в путь
пуститься без плаща,
Чтоб облако в пути чело мне омрачило
И взор лишило мой очей твоих луча?

Что пользы в том, что луч тот,
выйдя из-за тучи,
Следы дождя на мне способен осушить?
Не станет же никто хвалить
бальзам пахучий,
Что и врачуя, боль не в силах уменьшить.

Так и в стыде твоем не будет исцеленья,
А сожаленье мне утрат не возвратит,

Затем что не найти в отмщенье облегченья
Тому, кто уж несет тяжелый крест обид.

Слеза ж твоя – жемчуг,
уроненный любовью:
Она лишь искупить все может,
словно кровью.

35. «Довольно о своем проступке сожалеть...»

Довольно о своем проступке сожалеть:
На розе есть шипы и грязь
в ручье сребристом;
И солнцу, и луне случается тускнеть;
Живет же и червяк
в венце цветка душистом.

Все грешны на земле – и сам в том грешен я,
Что поощрял твои сравнением проступки.
Льщусь подкупить себя,
чтоб оправдать тебя, —
И нахожу исход грехам моей голубки.

Не будет речь моя к грехам твоим строга:
Став адвокатом вновь из прежнего врага,
Я строгий иск начну против себя – и

скоро

Меж страстию моей и ненавистью злой,

Кипящими в груди, возникнет ярый бой

Из-за проказ со мной хорошенького вора.

36. «Любовь, что нас с тобой в одно соединяет...»

Любовь, что нас с тобой в одно соединяет,
С тем вместе, милый друг,
и резко разделяет —
И гибельный позор, что стал судьбой моей,
Приходится мне несть без помощи твоей.

К одной лишь стороне суждения не строги;
А в жизни нас с тобой ждут разные тревоги,
Которые, хоть в нас любви не истребят,
Но множества часов блаженства нас лишат.

Мне без того нельзя почтить тебя
признаньем,
Чтоб грех мой на тебя – увы! —

не пал стыдом,

А ты не можешь, друг,

почтить меня вниманьем,

Чтоб не покрыть себя чудовищным пятном.

Я ж так люблю тебя, что мне уже мученье

Услышать о тебе и слово в осужденье.

37. «Как сгорбленный отец огнем очей живых...»

Как сгорбленный отец огнем очей живых
Приветствует шаги окрепнувшего сына —
Ах, так и я, чью жизнь разрушила судьбина,
Отраду нахожу в достоинствах твоих!

О, если красота, богатство, ум, рожденье,
Иль что-нибудь одно, иль все, что я назвал,
Воздвигли в ком-нибудь свой трон
на удивленье,
А я привил к ним страсть, которой воспылал,
То я уж не бедняк,
несчастный и презренный,
Покамест, облачен
в покров их драгоценный,

Могу всех благ твоих владыкой полным быть

И частию твоей священной славы жить.

Все, что я вижу вкруг, иметь тебе желаю;

Когда ж получишь все – я блага все познаю.

38. «Не может Муза в снах и вымыслах нуждаться…»

Не может Муза в снах и вымыслах нуждаться,

Покамест будет в стих мой пламенный

вливаться

Твоих мышлений рой, которым было б грех

В величии своем доступным стать для всех.

Благодари себя, когда мои созданья

Проявят что-нибудь, достойное вниманья!

И как мне не найти на песнь себе ума,

Когда снабжаешь мозг мой крыльями сама?

Будь музой же сама, десятою по счету

И лучшей в десять раз, чем старые, кому

Петь гимны не унять в поэтах нам

охоту,

И за собой веди достойных славы тьму.

Когда ж мои стихи прославятся молвою,

Пусть труд живет со мной, а похвала с тобою!

39. «Могу ли восхвалять достоинства твои...»

Могу ли восхвалять достоинства твои,
Когда ты часть – меня и целое – любви?
Хваля себя, увы! я время лишь теряю,
А чествуя тебя, себя лишь прославляю.

Поэтому-то нам отдельно надо жить,
Чтоб наша не могла любовь единой быть
И чтоб я мог, когда вниманья удостоишь,
Воздать тебе хвалу, какой один ты стоишь.

Разлука! О, каким была б мученьем ты,
Когда б кровавых мук твоих не подслащала
Возможность посвящать любви свои мечты,

С которыми впросак и Время попадало.

Ты научаешь нас сливаться всех в одно,
Хваля того, кому вдали жить суждено.

40. «Возьми себе все то, что я люблю, мой друг…»

Возьми себе все то, что я люблю, мой друг:
Но к прежнему всему не много то прибавит,
Ведь все, что мог бы дать тебе любви досуг,
Уже давно тебя и нежит, и забавит.

Я не могу за то сердиться на тебя,
Что ты в делах любви владеешь
лучшей долей;
Но грех тебе, когда, влекомый злою волей,
Берешь, что после прочь бросаешь от себя.

Я извиню тебе покражу, похититель,
Когда ты оберешь и всю мою обитель,
Хотя щипки любви бывают тяжелей
Всей желчности людской и ярости их всей.

О, сладострастье, зло златящее лучами,

Убей меня, но быть не можем мы врагами!

41. «Различные грешки, рожденные свободой...»

Различные грешки, рожденные свободой,

Когда, расставшись, я не вижуся с тобой,

Не прочь сойтись ладком с твоею красотой,

Затем что идут вслед тебе

соблазн с природой.

Ты юн – и потому способен быть прельщен;

Ты статен и красив – и будешь осажден;

А с женщиной сойдясь из тех,

кто в свет родится,

Непобежденным вспять

едва ль кто возвратится.

Но ты бы, милый друг, мог пощадить меня

И не давать страстям и юности мя-

тежной

На путь тот направлять заблудшего себя,

Где должен будешь ты попрать

две клятвы нежных:

Ее – сразив ее своею красотой,

И лживую свою, слукавивши со мной.

42. «Не в том беда, что ты красоткой обладаешь...»

Не в том беда, что ты красоткой обладаешь,
Хоть горячо ее любил я – понимаешь,
А в том, что и она владеет уж тобой;
А это тяжелей всего мне, милый мой.

Но я молчу, своих обидчиков прощая:
Ты любишь потому, что я люблю ее;
Она ж кидает тень на счастие мое,
Тебе любить себя открыто позволяя.

Расстанься с ним – она его приобретет;
А потеряй ее – мой друг ее возьмет;
Они сойдутся, я ж обоих потеряю,
Причем мне оба крест на плечи
взвалят – знаю.

Но вот в чем счастье: друг и я одно звено,
И значит, что любим я ею с ним равно.

43. «Глаза мои, укрыв под веками себя…»

Глаза мои, укрыв под веками себя,
Не никнут уж, сойдясь
с немилым им предметом,
Затем что смотрят лишь на чудную тебя —
И тьма ложится в прах и делается светом.

А ты, чья тень на тьму кидает тихий свет,
Как ярко б заблистал твой образ
средь планет,
Когда и тень твоя, представ во мраке ночи,
Могла мне озарить невидящие очи!

И что за благодать была б для глаз моих
Увидеть образ твой в игре лучей дневных,
Когда и тень твоя, с неясными черта-

ми,

Средь ночи и во сне мелькает пред глазами.

Когда ты не со мной, я вижу ночь во дне.

И ночь сияет днем, лишь явишься ко мне.

44. «Когда мое, как мысль, легко бы тело было…»

Когда мое, как мысль, легко бы тело было,
Ничто бы в мире всем мне путь
не преградило,
И вопреки всему – природе и судьбе —
Я с мира рубежа примчался бы к тебе.

Тогда, хотя б в тот миг стопы мои стояли
На вечных ледниках окраины земли,
Мгновенно бы меня желания умчали,
А вихри чрез моря к тебе перенесли.

Но мысль меня гнетет, что я – не мысль,
и следом
Носиться не могу, царица, за тобой,
А принужден водой и матерью-землей
С слезами ожидать конца грядущим бедам —

И ничего от двух стихий не получить,
За исключеньем слез, сужденных им точить.

45. «Другие ж две – огонь…»

Другие ж две – огонь
и воздух легкокрылый —
Всегда с тобой, где б твой
ни находился милый.
И бережно несут, легко, как тихий вздох,
Один – мои мечты, другой – мои желанья.

Когда же эти два крылатые созданья
Уходят – жизнь моя, сложась из четырех
Стихий, течет с двумя и, молча, до тех пор,
Склонясь на смертный одр,
тоской на нем томится.

Пока чета послов к одру не возвратится
И не вернется в грудь огонь, живящий взор.

Теперь они со мной, свершивши
путь свой дальний,
И шепчут, что огнем в ней бьет живая кровь.

Я радуюсь тому – и тотчас же шлю вновь
К тебе их, милый друг, разбитый
и печальный.

46. «Глаза и сердце в бой вступают меж собою…»

Глаза и сердце в бой вступают меж собою,
Чтоб разделить восторг твоею красотою.
Глаза мои хотят от сердца заслонить
Твой образ; сердце ж прав желает
их лишить —

И говорит, что ты, мой друг, в нем обитаешь,
В убежище, куда не проникает глаз;
Глаза же говорят при этом каждый раз,
Что ты во всей красе в их блеске восседаешь.
Чтоб этот спор решить, приходится спросить
У мыслей, в сердце том
живущих непрестанно, —
И мощный голос их спешит опреде-

лить

Что сердцу, что глазам в тебе принадлежит:

«Глазам принадлежит наружное безданно,

А сердцу – право быть

близ сердца постоянно».

47. «Блеск глаз и сердца бой...»

Блеск глаз и сердца бой
склоняются друг к другу,
И каждый оказать другому мнит услугу.
Когда глаза тебя стремятся увидать,
А сердце вздох в груди старается сдержать, —

Тогда глаза живут твоим изображеньем
И манят сердце вдаль,
пленяя наслажденьем;
Иной же раз глаза играют роль гостей
У сердца и мечтой с ним тешатся своей.

Итак, благодаря портрету или страсти,
Ты, и вдали живя, живешь всегда со мной,
Затем что мыслей ты избегнуть не во власти,

Когда я с ними век, они ж всегда с тобой;

А если и уснут, то образ твой здесь будет
И – на восторг глазам и сердцу —
их разбудит.

48. «Сбираясь в путь и свой бросая уголок…»

Сбираясь в путь и свой бросая уголок,
Я осторожно все припрятал под замок,
Чтоб все, что покидал, нетронутым осталось
И от лукавых рук все время охранялось.

Тебя ж, в сравненье с кем сокровища — ничто,
В ком блещет столько благ для сердца и для взора
И не решится с кем равнять себя никто,
Я не могу укрыть от рук простого вора.

Я ни в какой тебя не заключал тайник,
За вычетом того, где твой не блещет лик,
Хоть знаю, что он здесь —
в груди моей – таится,

Откуда волен ты уйти и вновь явиться.

Но и оттуда, друг, возможность есть украсть,
Когда ты можешь влить
и в добродетель страсть.

49. «Ко времени тому, что шествует вперед...»

Ко времени тому, что шествует вперед,
Когда оно, мой друг, когда-нибудь настанет,
Когда твой хмурый взгляд
в мои пороки канет
И ты своей любви сведешь последний счет;

Ко времени тому, когда пройдешь ты мимо,
Приветствуя меня лучами глаз твоих,
И страсть, свои плоды раздавшая незримо,
Найдет причину вновь
для взглядов ледяных, —

Ко времени тому готовиться я стану,
Стараяся сознать все промахи вполне,
И сам же на себя всей силою восстану,

Чтоб право на твоей сияло стороне.

Ты волен хоть сейчас навек
со мной расстаться, —
Да и зачем тебе любить меня стараться?

50. «Мой друг, как тяжело свой путь...»

Мой друг, как тяжело свой путь
мне совершать,
Когда все то, чего душа моя желает —
Свершения пути – меня лишь заставляет,
Удобство и покой припомнивши, сказать:

«Как много миль тебя от друга отделяет!»
Под гнетом бед моих мой конь едва ступает,
Причем инстинкт ему как будто говорит,
Что всадник от тебя нисколько не спешит.

И шпоры, что порой мой гнев в него вонзает,
Не в силах ускорить тяжелый шаг его —
И он на них одним стенаньем отвеча-

ет,

Что для меня больней,

чем шпоры для него, —

Затем что мне оно о том напомина-
ет,

Что счастье – позади, а горе – ожида-
ет.

51. «Любовь моя коню простит все замедленья...»

Любовь моя коню простит все замедленья,
Когда он от тебя потащится со мной.
К чему спешить туда, где нет моей родной?
Ведь быстрота нужна нам лишь
для возвращенья.

Но как я извиню ленивого коня,
Когда и быстрота – медленье для меня,
Когда – хоть ветер мчи —
коня я шпорить буду
И видеть быстроту и в крыльях позабуду?

Не перегнать коню фантазии моей,
Рожденной средь огня бушующих страстей
И мчащейся вперед стезею вдохновенья;

Но страсть моя простит коню
все прегрешенья.

Когда ж так тихо он по доброй воле шел,
То, бросивши его, примчуся, как орел.

52. «Я – тот богач, чей ключ к сокровищам его...»

Я – тот богач, чей ключ к сокровищам его
Ему ночной порой дорогу пролагает, —
Среди которых он не каждый день бывает,
Чтоб тем не притупить восторга своего.

И празднества затем свершаются так строго,
Что в каждом их году встречается не много.
Подобно жемчугам, заделанным в венце,
Иль ряду дорогих алмазов на кольце,

Иль выбору одежд, хранящихся до срока,
Храню и я тебя в душе своей глубоко,
И только иногда вскрываю свой тайник,

Чтоб сделать дорогим один особый миг.

Так возвеличься ж ты,
чьи вид и совершенства
Способны возбудить надежду
на блаженство!

53. «Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана…»

Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана,
Что тысячи теней вокруг тебя витают?
Ведь каждому всего одна лишь тень дана,
А прихоти твои всех ими наделяют.

Лишь стоит взгляд один склонить
на облик твой,
Чтоб тотчас Адонис предстал тебе на смену;
А если кисть создаст прекрасную Елену,
То это будешь ты под греческой фатой.

Весну ли, лето ль – что поэт ни воспевает,
Одна – лишь красоту твою очам являет,

Другое ж – говорит о щедрости Твоей
И лучшее в тебе являет без затей.

Все, чем наш красен мир,
все то в тебе таится;
Но с сердцем, верь, твоим ничто, друг,
не сравнится.

54. «О, красота еще прекраснее бывает…»

О, красота еще прекраснее бывает,
Когда огонь речей в ней
искренность являет!
Прекрасен розы вид, но более влечет
К цветку нас аромат, который в нем живет.

Пышна царица гор, лесов, садов и пашен,
Но и шиповник с ней померится на вид:
Имеет он шипы и листьями шумит
Не хуже, чем она, и в тот же цвет окрашен.

Но так как сходство их в наружности одной,
То он живет один, любуясь сам собой,
И вянет в тишине; из розы ж добывают
Нежнейшие духи, что так благоухают.

Так будешь жить и ты, мой друг,
в моих стихах,
Когда твоя краса и юность будут – прах.

55. «Ни гордому столпу, ни царственной гробнице...»

Ни гордому столпу, ни царственной гробнице
Не пережить моих прославленных стихов,
И имя в них твое надежней сохранится,
Чем на дрянной плите, игралище веков.

Когда война столпы и арки вдруг низложит,
А памятники в прах рассыпятся в борьбе,
Ни Марса меч, ни пыл войны не уничтожат
Свидетельства, мой друг, живого о тебе.

И вопреки вражде и демону сомнений
Ты выступишь вперед – и похвала всегда
Сумеет место дать тебе средь поколений,

Какие будут жить до страшного суда.

И так, покамест сам на суд ты
не предстанешь,
В стихах ты и в глазах век жить
не перестанешь.

56. «Восстань, любовь моя!..»

Восстань, любовь моя!
Ведь каждый уверяет,
Что возбудить тебя трудней, чем аппетит,
Который, получив сегодня все, молчит,
А завтра – чуть заря —
протест свой заявляет.

Уподобись ему – и нынче же, мой друг,
Скорей насыть глаза свои до пресыщенья,
А завтра вновь гляди
и чувством охлажденья
Не убивай в себе любви блаженной дух.

Пусть промежуток тот на то походит море,
Что делит берега, куда с огнем во взоре
Является что день влюбленная чета,
Чтоб жарче с каждым днем соединять уста.

Иль уподобься ты дням осени туманным,
Что делают возврат весны
таким желанным.

57. «Когда мне раз слугой твоим пришлося стать...»

Когда мне раз слугой твоим пришлося стать,
Я должен лишь твои желанья исполнять.
Есть время у меня – оно не драгоценно —
И я твоим рабом останусь неизменно.

Я не могу роптать на долгие часы,
Когда слежу их бег, велениям красы
Послушен, и в тиши о горечи разлуки
Не смею помышлять, терпя в замену муки.

В злых мыслях даже я не смею вопрошать,
Где ты живешь и бдишь,
с кем говоришь и ходишь,
А осужден, как раб, о том лишь все мечтать,
Как счастливы все те,

с кем время ты проводишь.

Любовь ведь так глупа,

что все, что ни придет

Тебе на ум, всегда достойным хвал найдет.

58. «Избави Бог меня, чтоб, ставши раз рабом...»

Избави Бог меня, чтоб, ставши раз рабом,
Я вздумал проверять дела твои, забавы
И ждать отчета, друг, во времени твоем,
Тогда как я твои обязан чтить уставы.

Пусть буду я страдать в отсутствии твоем,
Покорный всем твоим капризам и веленьям,
И ложь надежды злой, не чтя ее грехом
Твоим, переносить
с безропотным терпеньем.

Ты так сильна, что где б дух
ни носился твой,
Ты временем своим сама располагаешь,
Так как оно тебе принадлежит одной,

И цену ты сама своим поступкам знаешь.

Я ж должен только ждать,

хоть ожиданье – ад,

И молча прохожу твоих проступков ряд.

59. «Когда лишь ново то, что есть и было прежде...»

Когда лишь ново то, что есть и было прежде,
То как далек наш ум от истины, в надежде
Трудящийся создать, но лишь несущий гнет
Рожденных до того бесчисленных забот.

О, если бы могла нас летопись заставить
За несколько сот лет на миг один взглянуть
И образ твой таким могла бы
нам представить,
Каким его впервой из слов усвоил взгляд,

Чтоб я увидеть мог, что
древность рассказала
Про созданный вполне прекрасный

образ твой
И лучше ль древних мы,
иль раса хуже стала,
Иль в мире все идет обычной чередой.

Я ж знаю, что умы философов покойных
Хвалили иногда и менее достойных.

60. «Как волны к берегам стремятся чередой...»

Как волны к берегам стремятся чередой,
Так и минуты вслед одна другой стремятся,
Становятся в ряды одна вслед за другой
И силятся вперед пробиться и умчаться.

Рожденное едва – уж к зрелости ползет,
Но лишь она его цветами увенчает,
С ним разрушенье в бой вступает
в свой черед,
А Время всех даров своих его лишает.

И по челу оно проводит борозды,
Румянец молодой с прекрасных щек
смывает,
Растаптывает в прах всех прелестей
следы

И все своей косой бесчувственной срезает.

Но стих мой, не страшась руки его сухой,

В грядущих временах почтит тебя хвалой.

61. «Уже ль желала ты…»

Уже ль желала ты,
чтоб образ твой прекрасный
Попытку лечь, уснуть
мне сделал бы напрасной
И сон мой возмутил явлением теней,
Похожих на тебя и милых для очей?

Не дух ли свой ты шлешь
в сомненьи неотступном
В такую даль, чтоб здесь
за мною наблюдать,
Найти меня в пыли и праздным,
и преступным
И ревность тем свою и гордость оправдать.

О нет, любовь твоя не так уж безгранична!
Зато моя к тебе смущает мой покой
И не дает сомкнуть очей в тиши ночной,

Храня из-за тебя все зорко-безразлично.

Да, я храню твой сон, когда ты средь чужих,
Далеко от меня и близко от других.

62. «Глаза мои грешат излишком самомненья...»

Глаза мои грешат излишком самомненья,
А также и душа, и чувства все мои —
И нет ни в чем тому недугу исцеленья,
Так корни в грудь вонзил глубоко он свои.

Я к своему ничье лицо не приравняю,
И ни на чей я стан не променяю свой;
Ну – словом – так себя высоко оценяю,
Что никого не дам и сравнивать с собой.

Но лишь порассмотрю, каков на самом деле,
Изломанный борьбой
и сильно спавший в теле,
Я глупым это все и пошлым нахожу —
И вот что я теперь про то тебе скажу:

«Мой друг, в себе самом тебя я восхва-

ляю
И красотой твоей себя же украшаю!»

63. «Придет пора, когда мой друг…»

Придет пора, когда мой друг
таким же будет,
Каким я стал теперь, злой времени рукой
Поверженный во прах.
Когда гнет лет остудит
Бушующую кровь, широкой бороздой

Морщина пробежит по лбу, потухнут очи,
И жизнь в своем пути
достигнет дряхлой ночи,
И вся та красота, что в нем теперь царит,
Похитив блеск весны, далеко улетит;

Вот к этому-то дню я так приготовляюсь,
Чтоб времени косе успеть противостать,
Чтоб не могло оно из памяти изгнать

Благую красоту, которой удивляюсь.

Она навек в моих останется стихах
И будет жить у всех в сердцах и на глазах.

64. «Когда я вижу вкруг, что Время искажает...»

Когда я вижу вкруг, что Время искажает
Остатки старины, чей вид нас восхищает;
Когда я вижу медь злой ярости рабой
И башни до небес, сравненные с землей;

Когда я вижу, как взволнованное море
Захватывает гладь земли береговой,
А алчная земля пучиною морской
Овладевает, всем и каждому на горе;

Когда десятки царств у всех нас на глазах
Свой изменяют вид иль падают во прах,
—
Все это, друг мой, мысль
в уме моем рождает,
Что Время и меня любви моей лишает
—

И заставляет нас та мысль о том рыдать,

Что обладаешь тем, что страшно потерять.

65. «Когда земля, и медь, и море, и каменья...»

Когда земля, и медь, и море, и каменья
Не могут устоять пред силой разрушенья,
То как же может с ней бороться красота,
Чья сила силе лишь равняется листа?

Возможно ль устоять весеннему дыханью
В губительной борьбе
с напором бурных дней,
Когда вершины скал
и мощь стальных дверей
Противиться крылам времен не в состоянье?
О, злая мысль! Куда ж от Времени уйдет
Промчавшихся времен
пленительнейший плод?
Кто даст отпор его губительному

кличу
И в силах у него отнять его добычу?

Никто – иль чудо, друг,
свершится над тобой
И будешь ты блистать в чернилах красотой!

66. «В усталости моей я жажду лишь покоя!..»

В усталости моей я жажду лишь покоя!

Как видеть тяжело достойных в нищете,

Ничтожество в тиши вкушающим благое,

Измену всех надежд, обман в святой мечте,

Почет среди толпы, присвоенный неправо,

Девическую честь, растоптанную в прах,

Клонящуюся мощь пред роком величаво,

Искусство, свой огонь влачащее в цепях.

Низвергнутое в грязь прямое совершенство,

Ученость пред судом надменного осла,

Правдивость, простоте сулимая

в блаженство,
И доброту души в служении у зла!

Всем этим утомлен, я бредил бы могилой,
Когда бы не пришлось тогда
проститься с милой.

67. «Зачем ему здесь жить, когда зараза с ним…»

Зачем ему здесь жить, когда зараза с ним,
И скрашивать порок присутствием своим,
Давая тем греху возможность поживиться
И, с ним переплетясь, в одно соединиться?

Зачем копировать румянец щек его,
Фальшиво цвет живой их
в мертвый превращая?
Что в цвете роз ему, красе родного края,
Когда в его щеках довольно своего?

Что жить ему, когда природа обеднела
И крови уж ему не может больше дать?
Он все был для нее – и жизнь, и благодать;

Она ж и пред лицом других благоговела.

И бережет его она, чтоб показать,
Какая прежде к ней сходила благодать.

68. «Его лицо есть дней минувших отпечаток...»

Его лицо есть дней минувших отпечаток,
Когда краса цвела и вяла, как цветы,
И ни на чьем челе не смел блистать остаток
Вновь созданной в тиши
поддельной красоты;

Когда, отдав тела прожорливой могиле,
Не срезывали кос с головок золотых,
Чтоб на челе других они вторично жили
И пук чужих волос не радовал других.

В нем прежней красоты видна еще святыня,
Благая, без прикрас, как сердца благостыня,
Не мыслящая вновь весну себе купить
И обобрать других, одетым бы лишь

быть.

И бережет его природа данью чувству,
Чтоб показать красу фальшивому искусству.

69. «Та часть тебя, что мир способна озарять...»

Та часть тебя, что мир способна озарять,
К себе, мой друг,
восторг всеобщий привлекает
И всюду громко так твой образ прославляет,
Что даже злым врагам приходится молчать.

Итак, наружно ты увенчан похвалами;
Но те, что так тебя расхваливали сами,
Пытаются теперь проникнуть дали мглу
И прежнюю берут обратно похвалу.

Достоинство ума в деяньях познавая,
Они вперяют взор в тайник души твоей
И осуждают все, забыв про блеск очей
И запах сорных трав дыханью придавая.

Чего же запах твой не схож с твоей красой?

А потому, мой друг, что ты —

цветок простой.

70. «Людская брань тебе не вменится в вину…»

Людская брань тебе не вменится в вину,
Затем что красота злословье возбуждает,
А подозренье вкруг румяных щек витает,
Как стая воронят, летящих в вышину.

Будь ты добра, мой друг, —
и подтвердит злословье
Достоинства твои. Ведь хитрый червячок
Умеет заползти в прелестнейший цветок —
В тебе ж есть для того все нужные условья.

Да, ты пережила тревоги юных дней
И вышла из борьбы чиста и своевольна;
Но этого всего еще ведь не довольно,
Чтобы спасти тебя от зависти людей.

Когда бы ты к тому ж избегла подозренья,

То ты бы все сердца пленила, без сомненья!

71. «Когда умру, меня оплакивай не доле...»

Когда умру, меня оплакивай не доле,
Чем будет лить свой звон
наш колокол большой,
Который возвестит, что принят я землей,
Чтоб сделаться червей добычею – не боле.

При чтеньи этих строк, прошу, не вспоминай
Писавшей их руки, затем что ты – мой рай,
И я бы не хотел в мечтах твоих прекрасных
Явиться пред тобой причиной
слез напрасных.

Прошу тебя, когда я обращусь в прах,
Не называй меня по имени, царица,
При виде этих строк, написанных в стихах;

Но пусть любовь твою возьмет моя гробница.

Чтобы лукавый свет, услыша тихий вздох

Твой, осмеять тебя из-за меня не мог.

72. «Чтоб свет не мог спросить прекрасную тебя...»

Чтоб свет не мог спросить прекрасную тебя,
За что ты чтишь мой прах,
в гробу меня любя,
Ты лучше позабудь меня, небес созданье,
Затем что указать, увы! не в состоянье

Ты ничего во мне такого, что б могло
Мне озарить ясней померкшее чело
И больше хвал воздать, чем правда,
что всех колет,
Не прибегая к лжи, могла б себе позволить.
Когда любовь тебя сказать заставить может

Неправду обо мне, пусть вместе
с телом сгложет

Губительная смерть и скромный мой венок,
Чтоб нам на стыд сиять средь мира
он не мог.

Меня одним стыдом клеймят мои творенья,
Тебя ж – любовь того, к кому нет уваженья.

73. «Ты видишь – я достиг поры той поздней года...»

Ты видишь – я достиг поры той поздней года,
Когда на деревах по нескольку листков
Лишь бьется, но и те уж щиплет непогода,
Тогда как прежде тень манила соловьев.

Во мне ты видишь, друг, потемки дня такого,
В котором солнце лик свой клонит на закат,
А ночь уже спешит над жизнию сурово
Распространить свой гнет,
из черных выйдя врат.

Ты видишь, милый друг, что я едва пылаю,
Подобно уж давно зажженному костру,
Лишенному того, чем жил он поутру,

И, не дожив, как он, до ночи, потухаю.

Ты видишь – и сильней горит в тебе любовь

К тому, что потерять придется скоро вновь.

74. «Покоен будь: когда я буду смертью скован…»

Покоен будь: когда я буду смертью скован,
Без мысли быть опять
когда-нибудь раскован,
Останутся тебе на память, милый мой,
Немногие стихи, написанные мной.

И, пробегая их, увидишь, друг мой милый,
Что эти сотни строк посвящены тебе:
Лишь прах возьмет земля,
как должное, себе,
Но лучшее – мой ум – твое,
мой друг, с могилой.

Итак, когда умрет покров души моей,
Ты потеряешь лишь подонки
жизни бренной,
Добычу черной мглы, хирургов и червей,

Не стоящую слез твоей тоски священной.

Стихи ж мои могу почтить я похвалой
За то, что их никто не разлучит с тобой.

75. «Ты то же для меня, что пища для желудка...»

Ты то же для меня, что пища для желудка
Иль для сухой земли весенние дожди —
И, ради твоего спокойствия, в груди
Моей идет борьба, как это мне ни жутко,

Скупца с своей казной: то радуюсь тобой,
То за твое дрожу благое совершенство,
То наслаждаюсь сам твоею красотой,
То жажду, чтобы свет вкушал
со мной блаженство;

То иногда тобой бываю пресыщен,
То жажду всей душой чарующего взгляда —
И лучшего в тот миг блаженства мне не надо,
Чем то, которым был и буду награжден.

Так день за днем томлюсь я,
точно отчужденный,
То пресыщенный всем,
то вновь всего лишенный.

76. «Зачем я не ищу тем новых, как бывало…»

Зачем я не ищу тем новых, как бывало,
И отчего в моих стихах так жару мало?
Зачем я к новизнам заманчивым не рвусь
И разрешать задач мудреных не стремлюсь?

И почему пишу я все одно и то же
И отношусь что день к воображенью строже,
Хоть каждое словцо, являясь наголо,
Показывает, как оно произошло?

Так знай, что про тебя пишу я лишь, родная,
Что вдохновлять – тебе и страсти лишь дано,
А потому, слова все те же повторяя,
Я трачу вновь лишь то, что уж расто-

чено.

Как солнце старцам лик свой
каждый день являет,
Так и любовь моя зады лишь повторяет.

77. «Ты в зеркале своем увидишь, как ты вянешь...»

Ты в зеркале своем увидишь, как ты вянешь,
А на часах – как быстр в полете жизни шум;
На девственных листках оставит след твой ум.
Причем из книги той ты многое узнаешь.

Морщины, что тебе зеркальное стекло
Покажет, наведут тебя на мысль о гробе,
А верные часы укажут то русло,
Где время тмит свой след у вечности в утробе.
А то, что память в нас не в силах удержать,

Поверь ты тем листкам —
и ты увидишь милы

Ряд мыслей, твоего ума рожденных силой,
Чтоб снова пред тобой им новыми предстать.

Когда ж к ним взор себя
склониться удосужит,
На пользу лишь тебе и книге то послужит.

78. «Как часто Муза, друг, моя к тебе взывала…»

Как часто Муза, друг, моя к тебе взывала
И помощь от тебя такую ж получала,
Как и враждебных мне поэтов наших рой,
Бряцанье лир своих склонявших пред тобой.

Глаза твои, немых подвигнувшие к пенью
И дикость научив высокому паренью,
Вложили перьев пук в ученое крыло,
И Грацию поднять заставили чело.

Но ты гордись лишь тем,
что я к своим созданьям
Схожу в тиши ночной
лишь под твоим влияньем!
Ты исправляешь стиль в творениях других

И прелесть чувств своих даешь
страницам их;

Искусство же мое живет одним тобою,
Взнесенное твоей ученостью благою.

79. «Пока один просил я помощи твоей...»

Пока один просил я помощи твоей,
К одним моим стихам была ты благосклонна,
Теперь же стих мой стал с годами тяжелей —
И я забыт, и ты внимать другому склонна.

Конечно, качества прекрасные твои
Должны быть и пером прекраснейшим воспеты;
Но знай, что у тебя ж те перлы слов поэты
Возьмут, чтоб возвратить потом их как свои.

Они дадут тебе, мой друг, лишь то, чем полны
Дела твои: дадут те перлы красоты,
Что зыблются в тебе, как огненные волны,

Но не дадут того, чем не владеешь ты.

Итак, не награждай ты слов их похвалою,
Затем что и без них ты платишь им
с лихвою.

80. «Я трепещу, когда тебя изображаю…»

Я трепещу, когда тебя изображаю:
Ум, посильней, чем мой,
всю тратит мощь – я знаю —
На похвалы тебе, чтоб мой язык сковать,
Готовый век тебя хвалить и воспевать.

Но глубоки твои достоинства, как море,
А море носит все —
корабль, челнок, ладью, —
И вот с отвагою я лодочку мою
Пустил в твой океан. И если в этом споре

Я буду кое-как держаться близ земли,
Его ж корабль нестись над бездною кипучей,
Иль в щепы разобью я челн свой на мели,

А он останется во всей красе могучей,
—

Тогда как удручен сознаньем буду я,
Что мне погибелью была любовь моя!

81. «Мне ль пережить тебя назначил рок...»

Мне ль пережить тебя назначил рок,
Иль раньше буду я в земле зарыт,
Не вырвет смерть тебя из этих строк,
Хотя я буду сам давно забыт.

Бессмертье в них тебе судил Всесильный,
А мне, когда умру, – удел червей.
Мне предназначен скромный холм могильный,
Тебе – нетленный трон в очах людей.

Твой монумент – мой стих: прочтут его
Еще бытья не знающие очи
На языках, неведомых еще.
Когда мы все умолкнем в вечной ночи,

Ты будешь жив – так мощен я в стихах,
—
Где дышит дух живой – в людских

ycmax!

82. «Я знаю, что с моей не связана ты Музой…»

Я знаю, что с моей не связана ты Музой
И потому – права, считая злой обузой
Слова, при коих сонм навязчивых певцов
Шлет милым существам
столбцы своих стихов.

Ты ум и красоту одна в себе вмещаешь
И, зная, что хвалы мои все превышаешь,
Принуждена искать других себе певцов,
Чтоб сохраненной быть для будущих веков.

Но пусть они прольют в работе неустанной
Все тонкости своей риторики туманной —
Поверь, что красоту твою и сердца пыл
Правдиво лишь один твой друг изобра-

зил.

Для грубой кисти их сподручна лишь дорога,

Где в красках недочет, а у тебя их много.

83. «Нуждалась ли ты, друг, в прикрасах...»

Нуждалась ли ты, друг, в прикрасах —
я не знал
И к белизне твоей румян не прибавлял:
Я думал, что ты все далеко превосходишь,
Что может дать поэт, которого ты водишь.
А если громче я тебя не воспевал,
То только потому, что сам же доказал,
Как мертвенно перо мое изображало
Все, что в душе твоей цвело и обитало.
Молчание мое ты мне вменила в грех —
И тем грехом могу хвалиться я при всех,
Так как вреда мое молчанье не наносит,
А похвалы иных забвение приносят.

Мой друг, твои глаза мне больше говорят,
Чем весь поэтов хор,
прославивший твой взгляд.

84. «Кто лучшею бы мог почтить тебя хвалою...»

Кто лучшею бы мог почтить тебя хвалою,
Чем та, что нет тебе подобной на земле?
Где скрыто в мире то, что может быть
с тобою
Поставлено, мой друг прекрасный,
наравне?

Как бедно то перо, которое не может
Предмету хвал своих воздать
как должно честь;
Но для певца любви довольно, если сможет
Он описать тебя такою, как ты есть.

Пусть верно спишет то, что видит пред собою,
Не портя, что дано природой всеблагою,
—

И вмиг прославит он тогда свой светлый ум
И звучностью стиха, и выспренностью дум.

Средь бездны благ одно ты зло
в себе вмещаешь:
Ты любишь похвалы и тем их уменьшаешь.

85. «Взгрустнув, молчит моя задумчивая Муза…»

Взгрустнув, молчит моя задумчивая Муза,
В виду всех тех похвал стесняющего груза
И громких фраз, каких наслушался я вкруг
Из уст певцов, тебя хвалящих, милый друг.

Я мыслю хорошо, пока другие пишут,
И, как дьячок, «аминь» кричу на весь народ
В ответ на каждый гимн,
в котором звуки дышат,
А содержанье в нас так мудростью и бьет.

И, слыша похвалы, «о, правда!» я взываю
И к похвалам тем
лишь немного прибавляю,

Но если мой язык и мало говорит,
То мысленно любовь у ног твоих лежит.

Так уважай других за их слова благие,
Меня же, милый друг, за помыслы немые.

86. «Его ли гордый стих, прекрасный и могучий...»

Его ли гордый стих, прекрасный и могучий,

Возвышенный мечтой награду получить,

Сковал в мозгу моем паренье мысли жгучей,

Где прежде рок судил родиться ей и жить?

Его ли дух, толпой злых духов наученный

Стать выше смертных всех

в творении своем,

Сразил меня? О нет!

Ни дух тот благосклонный,

Который над его господствует умом,

Заставил замолчать мою святую лиру;

Ни он, певец любви, ни дух его благой,

Взносящий ум его к надзвездному эфи-

ру,
Не в силах наложить печать на голос мой!

Но если с уст твоих хвала к нему слетает,
То муза дум моих мгновенно умолкает.

87. «Прощай – ты для меня уж слишком дорога...»

Прощай – ты для меня уж слишком дорога;
Да и сама себе ты, верно, знаешь цену.
Нажив достоинств тьму,
ты сделалась строга;
Я ж, став твоим рабом, нейду на перемену,

Чем, кроме просьб, тебя могу я удержать,
И чем я заслужил такое совершенство?
Нет, не по силам мне подобное блаженство,
И прав я на него не вправе заявлять.

Ты отдала себя, цены себе не зная,
Иль – может – как во мне,
ошиблась ты в себе.
И вот, случайный дар мне милый возвращая,

Я вновь его дарю, прекрасная, тебе.

Да, ты была моей, но долго ль это было?
Я спал – и был царем, проснулся —
и все сплыло.

88. «Когда тебе придет охота пренебречь...»

Когда тебе придет охота пренебречь
И обо мне повесть презрительную речь,
Я сам, друг, на себя готов с тобой подняться
И, про грешки забыв, тобою восхищаться.

Привыкнувши свои проступки сознавать,
Тебе на пользу я могу порассказать
Кой-что про жизнь свою,
что так меня бесславит,
И – верь – измена мне
лишь честь тебе доставит.

Но это может быть и к выгоде моей,
Затем что я тебе весь пыл мой посвящаю
И, тем вредя себе для выгоды твоей,
Все ж пользу и себе при этом извлекаю.

Я так люблю тебя и счастлив так тобой,

Что для тебя готов пожертвовать собой.

89. «Скажи, за что меня покинула, родная...»

Скажи, за что меня покинула, родная, —
И оправдать себя сумею я, клянусь!
Скажи мне, что я хром, —
и я смолчу, смирюсь,
На доводы твои ничем не возражая.

Настолько, друг, тебе меня не пристыдить,
Чтоб оправдать свою жестокую измену.
Я сам устрою все, смягчая перемену,
И, став чужим, к тебе не стану уж ходить.

Да и встречать тебя в прогулках уж не буду,
Не буду имя я твое произносить,
Чтоб этим как-нибудь тебе не повредить.
А там и о любви взаимной позабуду.

Я на себя восстать из-за тебя готов,
Затем что не могу любить твоих врагов.

90. «Когда моим врагом быть хочешь…»

Когда моим врагом быть хочешь —
будь теперь,
Когда передо мной захлопывают дверь.
Низвергни в грязь меня,
соединясь с судьбою,
Но не карай потом последствий
местью злою.

Когда душа моя печали сбросит гнет,
Не приходи вонзать мне в грудь
шипы забот!
Пускай за ночи тьмой не следует ненастье,
Чтоб отдалить – не дать
померкнуть солнцу счастья!

Когда ж настанет час разлуки, пусть борьба
Не длится, чтобы рок усилиться ей не дал

И дух мой поскорей все худшее изведал,
Что может мне послать суровая судьба, —

И я не назову тогда несчастьем, знаю,
Того, что я теперь несчастьем называю.

91. «Иной гордится тем, что в золоте родился…»

Иной гордится тем, что в золоте родился,
Тот – родом, силой мышц,
игрою острых слов,
Тот – бархатным плащом,
в который нарядился;
Тот – сворою собак, тот стаей соколов —

И радость в том они тем большую находят,
Чем кажется она заманчивей других;
Но так как их мои избытки превосходят,
То нет им и цены большой в глазах моих.

Любовь твою ценю я выше, чем рожденье,
А взор дороже мне пурпуровых одежд,
Затем что в мире всем, исполненном

надежд,
С тобой одной, мой друг,
возможно наслажденье.

Одно меня страшит, что можешь ты притом
Меня лишить всего и сделать бедняком.

92. «Как ни желала б ты укрыться от меня...»

Как ни желала б ты укрыться от меня,
Пока я жив – моей ты быть не перестанешь;
Я ж буду жить, пока жива любовь твоя,
Которою давно меня к себе ты манишь.

Итак, мне нужды нет страшиться
новых бед,
Которых уж ничто на свете не повысит;
К тому ж в моей судьбе чуть виден
бури след,
А от твоих она капризов не зависит.

Но ты не огорчишь неверностью своей
Того, кто пережить ее не в состоянье.
Да, я вдвойне счастлив в любви к тебе моей

Еще тем, что она живет в моем дыханье.

Но все же есть и тут дурная сторона:

Ведь я могу не знать, что ты мне неверна.

93. «Я буду мыслью жить, что ты еще верна...»

Я буду мыслью жить, что ты еще верна,
Как позабытый муж, не видя перемены
В любимом им лице, не чувствует измены.
Глазами лишь со мной, душой – разлучена,

Ты мне не дашь в себе заметить перемену,
Затем что в них таить не можешь
ночи мглу.
В ином лице легко по хмурому челу
Прочесть на дне души созревшую измену;

Но небеса, тебе плоть давшие и кровь,
Решили, что в тебе должна лишь жить
любовь,
И как бы ни была зла мыслей неизбеж-

ность,
В чертах твоих должны сиять
лишь страсть и нежность.

Как облик твой
с плодом запретным Евы схож,
Когда характер твой на внешность не похож!

94. «Кто может вред нанесть...»

Кто может вред нанесть,
но все же не вредит, —
Не делает того, о чем лишь говорит,
Кто, возбудив других, холодным остается,
И на соблазн нейдет, и злу не поддается —

В наследство тот берет небесные красы
И не кладет даров природы на весы:
Он внешности своей хозяин и властитель,
Тогда как в большинстве всяк
лишь ее хранитель.

Нам мил цветок полей лишь летнею порой,
Хотя он для себя цветет и увядает;
Но вот червяк к нему под венчик заползает —

И сорной вскоре он становится травой.

И лучшему легко в дурное превратить-
ся,
И лилия, завяв, навозом становится.

95. «В какую прелесть ты свой облекаешь грех...»

В какую прелесть ты свой облекаешь грех,
Который точно яд, что розу отравляет,
Святую чистоту любви твоей пятнает?
В какой приют его ты прячешь ото всех?

Припоминая дни твоей протекшей славы,
А с нею и твои нескромные забавы,
Язык перестает корить и осуждать
И принужден в конце бывает замолчать.

И что за жизнь была твоим
порокам скверным,
Назначившим тебя своим приютом верным,
Чья прелесть флер кладет на каждое

пятно
И придает красу всему, что нам дано.

Но берегись, мой друг, отличия такого:
И лучший нож в руках тупится у иного.

96. «Одни тебя за пыл и молодость бранят...»

Одни тебя за пыл и молодость бранят,
Другие же за них тебя боготворят,
И каждый ради них любуется тобою,
Скрывающей грехи свои под красотою.

Как бриллиант в венце царицы молодой
Способен возбудить в сердцах
восторг живой,
Так и грехи твои вид правды принимают
И ложное считать за правду заставляют.

Не мало б обманул разбойник-волк ягнят,
Когда б судьба дала ему ягненка взгляд.
О, скольких увлекла б ты смертных
на страданье,
Сумей лишь в ход пустить свое очаро-

ванье!

Ну что ж, когда тебя люблю так крепко я,

Что честь твоя близка мне так же, как своя!

97. «Как было на зиму похоже это время…»

Как было на зиму похоже это время,
Которое провел с тобой я не вдвоем!
Что за мороз и мрак спускалися, как бремя,
И как все вдруг в глаза глядело декабрем!

Однако время то – благое было лето
И осень с золотой кошницею своей,
Несущей бремя благ весеннего привета,
Подобно чреву вдов по смерти их мужей.

И те дары небес казались мне в томленьи
Несчастными детьми, не знавшими отцов,
Затем что у тебя и лето в услуженьи,
И птицы не поют,
не вслушавшись в твой зов;

А если и поют, то с грустию такою,
Что листья блекнут вкруг —
ну, точно пред зимою.

98. «Я далеко, мой друг, был от тебя весной...»

Я далеко, мой друг, был от тебя весной,
Когда апрель в цветах своей одежды новой
Всему передавал пыл юношеский свой,
Причем с ним ликовал
и смерти бог суровой.

Но ни пернатых хор, ни аромат цветов,
Чьих венчиков весной нам вид всего дороже,
Не возбуждают дум во мне, ни светлых снов,
Ни жажды те цветы срывать
на пышном ложе.

Не удивлялся я лилейной белизне
И розы не хвалил пурпурового цвета,
Затем что прелесть их —
краса весны и лета —

Лишь копией твоей являлась всюду мне.

Но все же снег кругом лежавшим мне казался
И ими, как твоей я тенью, забавлялся.

99. «Фиалке ранней я с укором говорил...»

Фиалке ранней я с укором говорил:
«Где ты похитила свой аромат небесный,
Как не из вздохов той, кому мой отдан пыл,
А пурпур на покров из вен моей прелестной?»

Я лилию корил в покраже белизны
Прекрасных рук твоих,
а мак – волос каскада;
Что ж до трех роз, то —
в прах стыдом низложены,
Они чуть рдели вкруг, не подымая взгляда:

Одна – пылая вся, другая – побледнев,
А третья – всем даря чужие ароматы,
Тогда как червь,
давно свой сдерживавший гнев,

Уже точил ее, дождавшися расплаты.

Поверь, что я цветка такого не видал,

Который с уст твоих свой запах бы не брал!

100. «О муза, где же ты? что долго так молчишь...»

О муза, где же ты? что долго так молчишь

И, в чем вся власть твоя, о том не говоришь?

Ужель ты тратишь пыл веселья,

песнь слагая,

Чем славу лишь мрачишь,

ничтожность возвышая?

Явись мне, муза, вновь и возврати скорей

Потерянные дни для славы и искусства,

И вновь воспой красу поклонницы своей,

Вливающей в перо твое свой ум и чувства.

Встань, Муза, и взгляни на личико моей

Красавицы – морщин не сыщется ль у ней?

И если – да, иди представь богов собра-

нью

И пред Сатурном дай простор негодованью —

Прославь ее пред ним, хвалы свои умножь,

И ты предупредишь косу его и нож.

101. «Чем, Муза, ты себя в том можешь оправдать...»

Чем, Муза, ты себя в том можешь оправдать,
Что Правду с красотой забыла воспевать?
Все трое у моей любви вы в услуженье,
Чем, Муза, можешь ты гордиться,
без сомненья.

Что ж, Муза, говори: быть может,
скажешь ты,
Что Истине совсем не нужно украшенья,
Что в красоте самой – и правда красоты,
И кисть художника ей не придаст значенья.

Но если так – ужель ты быть должна немой?
Неправда! От тебя зависит от одной
Заставить друга ввысь подняться

с облаками,
Чтоб восхваленным быть
грядущими веками.

Я ж научу тебя – как друга, уж поверь,
Потомству показать таким, как он теперь.

102. «Любовь моя сильна – и где ее конец?..»

Любовь моя сильна – и где ее конец?
Она огонь, но чувств своих не выражает;
Но та любовь – товар, чью цену продавец,
Стараясь поднять, всем громко объявляет.

О, наша страсть была еще в своей весне,
Когда я стал ее приветствовать стихами!
Так соловей поет пред летними ночами
И, выждав их приход, смолкает в тишине.

Не то чтоб летом мне жилося поскучней,
Чем в дни, когда любовь звучит
в тиши ночей;

Но музыка теперь едва ль
не в ветке каждой
Звучит, и грудь ее уж пьет
не с прежней жаждой.

И я, не надоесть чтоб песнею моей
Твоим ушам, порой молчу, подобно ей.

103. «Как ты бедна, моя задумчивая Муза…»

Как ты бедна, моя задумчивая Муза,
Хотя вокруг тебя лишь видится простор;
Но ты ведь хороша и пламенен твой взор
И без моих похвал венчающего груза.

Не упрекай меня, что не могу писать!
Ты в зеркало взгляни – и лик перед тобою
Восстанет, в сердца глубь
сводящий благодать
И кроющий стихи стыдливости зарею.

Ведь было бы грешно, хорошим быв досель
Писателем, теперь приняться за поправки,
Когда мои стихи одну имеют цель —
Воспеть твои черты, хотя не без прибавки.

А зеркало твое, красе твоей под стать,
Их лучше, чем стихи, способно показать.

104. «Ты для меня, мой друг…»

Ты для меня, мой друг,
не можешь быть стара:
Какою в первый раз явилась ты для взора,
Такой же блещешь мне и нынче, как вчера.
Холодных три зимы лишили лес убора,

Три нежные весны сплелися в хоровод
И в осень перешли, сменяясь каждый год,
И трижды цвет весны
сожжен был зноем лета
С тех пор, как ты мой пыл
почла лучом привета.

Но красота идет, как стрелка часовая,
Идет себе вперед,
свой мерный путь свершая, —
И цвет лица, что взор мой радовал не раз,

Быть может, уж не тот, обманывая глаз.

Так пусть же знает, друг,

невежливое время,

Что с дня твоих родин ее не страшно бремя.

105. «Не называй мой пыл каждением кумиру…»

Не называй мой пыл каждением кумиру
И идолом любви красавицу мою
За то, что я весь век одну ее пою
И за любовь не мщу, подобяся вампиру.

Красавица моя – сегодня как вчера —
В достоинствах своих верна и постоянна,
А потому и стих мой шепчет неустанно
Все то же – что она прекрасна и добра.

Наивность, красота и верность – вот поэма,
Написанная мной,
с прибавкой двух-трех слов,
Где мной воплощена любви моей эмблема.
В одной поэме – три! Вот поле для стихов!

Правдивость, красота
и верность хоть встречались,
Но никогда в одном лице не совмещались.

106. «Когда средь хартий я времен давно минувших...»

Когда средь хартий я времен давно минувших
Портреты нахожу созданий дорогих
И вижу, как в стихах красивых и живых
В них воспевают дам и рыцарей уснувших, —

Я в описанье том их общего добра —
Их рук, плечей и глаз, чего ни пожелаешь, —
Попытку вижу лишь старинного пера
Представить красоту, какой ты обладаешь.

Все их хвалы встают лишь
предсказанья сном
О настоящем дне и образе твоем;
А так как все притом,
как сквозь туман, смотрели,
То и воспеть тебя достойно не сумели.

Мы ж, видящие все, что день
нам видеть дал,
Не можем слов найти для песен и похвал.

107. «Ни собственный мой страх...»

Ни собственный мой страх,
ни вещий дух вселенной,
Стремящийся предстать
пред гранью сокровенной,
Не в силах срок любви моей определить
И предсказать, когда покончу я любить.

Житейская луна с ущербом уменьшилась —
И злых предчувствий сонм смеется
над собой,
А неизвестность вкруг,
как мрак, распространилась,
И мир, представь, закон провозглашает свой.

Вспоенная весны живительной росою,
Любовь моя растет, и смерть ей не страшна,
Затем что буду жить в стихах своих

душою,
Пока она гнести вкруг будет племена.

И ты свой мавзолей найдешь
в строках их славных,
Когда гербы спадут
с гробниц владык державных.

108. «Нет слов, способных быть...»

Нет слов, способных быть
написанных пером,
Которых не излил я, друг мой, пред тобою!
И что могу сказать я нового притом,
Чтоб выразить восторг твоею красотою?

Да ничего, мой друг, хоть должен повторять
Все то же каждый день и старым не считать
Все старое: «Ты – мой! я – твой,
моя отрада!»
Как в первый день, когда
я твоего ждал взгляда.

Распуколка-любовь, в бессмертии своем,
Не думает совсем о времени разящем,
И места не дает морщинам бороздя-

щим,
А делает его, борца, своим рабом —

И пламенной любви находит там зачатки,
Где время с злом влекли, казалось,
их остатки.

109. «Не говори, мой друг, что сердце изменило...»

Не говори, мой друг, что сердце изменило,

Что расставанье пыл мой сильно охладило.

Не легче разойтись мне было бы с тобой,

Чем с замкнутой в твоей душе моей душой.

Там дом моей любви – и если покидаю,

Как путник молодой, порою я его,

То возвращаюсь вновь в дом сердца моего,

И этим грех свой сам с души своей слагаю.

Когда б в душе моей все слабости земли,

Так свойственные всем и каждому, царили —

Не верь, чтоб все они настолько сильны

были,

Чтоб разойтись с тобой склонить меня могли.

Да, если не тебя, то никого своею

Во всей вселенной я назвать уже не смею.

110. «Носясь то здесь, то там, себе же на беду…»

Носясь то здесь, то там, себе же на беду,
Я удручал и рвал на части ретивое,
Позорно продавал все сердцу дорогое
И превращал любовь в кровавую вражду.

Но все тревоги те мне юность снова дали,
А непреклонность чувств и опыт показали,
Что ты хранишь в себе любви моей залог,

Хоть я и был всегда от истины далек.
Так получай же то, что будет длиться вечно:
Не стану больше я дразнить свой аппетит,
Ввергая в бездну зол приязнь бесчеловечно,

А с нею и любовь, чей свет меня манит.

Итак – приветствуй,

мой возврат благословляя,

И к сердцу своему прижми меня, родная!

111. «Ты лучше за меня Фортуну побрани...»

Ты лучше за меня Фортуну побрани,
Виновницу моих проступков в оны дни,
Мне давшую лишь то,
что волею бессмертных
Общественная жизнь воспитывает
в смертных.

Вот отчего лежит на имени моем
И пачкает его клеймо порабощенья,
Как руку маляра, малюющего дом!
Оплачь и пожелай мне, друг мой,
обновленья —

И – лишь бы обойти заразную беду —
Готов, как пациент, и уксусом опить-
ся,
Причем и желчь вполне противной
не найду,
И тягостным искус,
лишь только б исцелиться.

Ты пожалей меня, и будет мне – поверь —

Достаточно того, чтоб сбросить груз потерь.

112. «Твои любовь и пыл изглаживают знаки...»

Твои любовь и пыл изглаживают знаки,
Наложенные злом на бедном лбу моем,
Бранит ли свет меня иль хвалит —
что мне в том?
Лишь пред тобой бы я не скрадывался
в мраке:

Ты для меня – весь свет, и я хочу найти
Себе в твоих устах хвалу и порицанье,
Другие ж для меня – без звука и названья,
И я ни для кого не уклонюсь с пути.

В той бездне, где живу, заботу я оставил
О мнениях других, а чувства быть заставил
Холодными навек и к брани, и к хвале.
Да, я смогу снести презрение во мгле,

Затем что в мыслях так моих
ты вкоренилась,
Что остальное все как будто провалилось.

113. «Оставивши тебя, я вижу лишь умом…»

Оставивши тебя, я вижу лишь умом;
А что руководит движеньями моими,
То смотрит, как во мгле,
полуслепым зрачком,
Глаза хоть и глядят, но я не вижу ими,
—

Затем, что образец, который разглядеть
Не могут, им нельзя в душе запечатлеть.
Ничем глаза вокруг не могут насладиться,
Ни с разумом своим восторгом поделиться —

Затем что море ль благ или картина смут,
Холмы иль океан, свет дня
иль сумрак ночи,
Скворец иль соловей

предстанут перед очи —
Прелестный образ твой всему они дадут.

Правдивый разум мой, наполненный тобою,
Впадает в ложь во всем,
что видит пред собою.

114. «Ужель мой слабый дух, исполненный тобой…»

Ужель мой слабый дух, исполненный тобой,
Царей отраву – лесть – впивает,
ангел мой?
Иль может быть, глаза мои
уж слишком правы,
А страсти, что в тебе гнездятся, так лукавы,

Что научают их искусству превращать
Чудовищ ада злых в божественную рать,
Из худшего творя все лучшее пред нами,
Едва оно свой путь свершит под их лучами.

Не будет ли верней, что взгляд мой
лжет в их честь,
А бедный разум пьет по-царски эту

лесть?

Глаз знает хорошо, —

что разум мой пленяет:

По вкусу он ему напиток приправляет.

Хоть и отравлен он, но нравится глазам:

Грех меньше, если взор его отведал сам.

115. «Мой друг, те строки лгут, что прежде я писал...»

Мой друг, те строки лгут, что прежде я писал,
Где пелось, что любить не в силах
я сильнее.
Тогда я весь пылал и разум мой,
Что может пламя то гореть еще светлее.

Но зная, что кругом случайности нас ждут,
Вползают между клятв,
претят царей веленьям,
Низводят красоту,
кладут предел стремленьям
И к переменам дух незыблемый влекут,

Я вправе был сказать
под Времени давленьем:
«Теперь лишь от души тебя я полюбил!»

Так как уверен лишь я в настоящем был,

А будущность была окутана сомненьем.

Любовь – дитя, и слов поток моих дает

Лишь полный рост тому, что все еще растет.

116. «К слиянью честных душ...»

К слиянью честных душ
не стану больше вновь
Я воздвигать преград!
Любовь – уж не любовь,
Когда меняет цвет в малейшем изменении
И отлетает прочь при первом охлажденье.

Любовь есть крепкий столп,
высокий, как мечта,
Глядящий гордо вдаль на бури и на горе;
Она – звезда в пути для всех
плывущих в море;

Измерена же в ней одна лишь высота.
Любовь верна, хотя уста ее бледнеют,
Когда она парит под времени косой;
Любовь в теченье лет не меркнет,
не тускнеет
И часто до доски ведет нас гробовой.

Когда ж мои уста неправдой погрешили,

То значит – я не пел, а люди не любили!

117. «Кори мой слабый дух за то, что расточает...»

Кори мой слабый дух за то, что расточает
Он то, чем мог тебе достойно бы воздать;
Что я позабывал к любви твоей взывать,
Хоть узы все сильней она мои скрепляет;

Что чуждым мне не раз я мысли поверял —
И времени дарил злом купленное право;
Что первым злым ветрам
я парус свой вверял,
Который от тебя так влек меня лукаво.

Ошибки ты мои на сердце запиши,
Добавь к догадкам ряд
тяжелых доказательств
И на меня обрушь поток своих руга-

тельств,
Но все же, в гневе, ты не убивай души:

Я только доказать хотел —
и был во власти —
Всю силу чар твоих и постоянство страсти.

118. «Как острой смеси мы спешим…»

Как острой смеси мы спешим
подчас принять,
Чем спящий аппетит к работе возбуждаем
И горькое затем лекарство принимаем,
Чтоб зол грозящей нам болезни избежать, —

Так, сладостью твоей
донельзя подслащенный,
Я горьких яств искал, чтоб вызвать аппетит,
И рад бывал, своим
блаженством пресыщенный,
Когда хоть что-нибудь во мне вдруг заболит.

В любви предвидеть зло
нас учит ум суровый,
Хотя мы ничего не слышали о нем,

И нам велит лечить
свой организм здоровый,
Пресыщенный добром, снедающим нас злом.

Но в яд губительный лекарство превратится
Тому, чья вся болезнь в любви к тебе таится.

119. «Как много выпил я коварных слез сирен...»

Как много выпил я коварных слез сирен,
Эссенции гнусней ключей подземных ада,
Причем отраду страх теснил, а страх отрада —
И, с мыслью победить,
опять сдавался в плен.

В какие, сердце, ты ввергалося напасти,
Считая уж себя достигнувшим всего!
Как яростно блестит луч взора моего
В болезненной борьбе отчаянья и страсти!

Врачующее зло, я вижу, что тобой
Хорошее еще становится прекрасней,
И, сделавшись опять владыкой над душой,
Погасшая любовь становится всевластной.

И, пристыженный,
вновь я возвращаюсь вспять,
Успевши больше злом добыть, чем потерять.

120. «Хоть жесткость, друг, твоя…»

Хоть жесткость, друг, твоя
мне служит оправданьем,
Но, унесясь душой к своим воспоминаньям,
Я никну в прах главой под бременем грехов,
Затем что нервы рок мне свил не из оков.

Когда ты сражена жестокостью моею,
Как некогда сражен я был, мой друг, твоею,
То ты узнала ад, а я не мог вполне
Сознать, как сам страдал лишь
по твоей вине.

Когда бы привело на память горе мне,
Что за удары рок таит для назиданья,
Я б – так же как и ты, когда-то в тишине —

Поднес тебе бальзам, врачующий страданья.

Да, грех прошедший твой и настоящий мой

Друг другу извинять, сойдясь между собой!

121. «Уж лучше низким быть...»

Уж лучше низким быть,
чем слыть им и напрасно
Упреки в низости выслушивать порой,
Лишать себя забав невинных ежечасно
Из страха, что грехом их
может счесть другой.

Зачем же признавать судом непогрешимым
Случайный взгляд людей,
ошибочный вполне?
Они грешат, как я, и мненьем нетерпимым
Привыкли очернять все то, что мило мне.

Нет, буду сам собой! А тот, кто судит строго
Деяния мои, грешит, наверно, сам;
К лицу ль подобный суд морали их убогой:

Они бредут кривясь, я ж строен,
смел и прям.

Иль, может, доказать хотят они бесчестно,
Что люди все дурны и зло царит повсеместно.

122. «Мой друг, подарок твой…»

Мой друг, подарок твой,
та книжка записная,
Исписана вполне, и в памяти моей
Заметки, ни одной из них не забывая,
Я сохраню навек иль лучше до тех дней,

Когда придет конец, —
когда мой ум затмится.
Когда в груди моей не будет сердце биться.
Но до тех пор во мне
всегда жить будешь ты, —
Я сберегу в душе моей твои черты.

Так долго книжка та не может сохраняться.
Я не нуждаюсь в ней, чтобы любовь твою
В ней отмечать, – ее я смело отдаю:
Я сердца памяти вполне могу вверяться.

Заметки ж о любви мне при себе хранить —

Не значит ли, что я могу любовь забыть?

123. «Не подглядишь во мне ты, Время…»

Не подглядишь во мне ты, Время,
измененья!
Громада праха, вновь взнесенная тобой,
Не будет для меня предметом удивленья:
Все это уж не раз вставало предо мной.

От старины твоей мы все
в восторг приходим
И думать про нее за лучшее находим,
Что волей нашей все, что видим, создано,
Чем знать, что это все известно уж давно.

Ни пришлое, ни то, что нас сопровождает
На жизненном пути, меня не удивляет:
Ведь летопись твоя и все, что мы кругом

Встречаем в жизни, лжет
в стремлении своем.

В одном лишь свой обет исполнить
я намерен:
Я буду, вопреки тебе, о Время, верен!

124. «Любовь моя очей величьем не сразит...»

Любовь моя очей величьем не сразит,
Которое судьба разбить паденьем может,
А Времени любовь и злоба – уничтожит,
И образ чей то в терн, то в розаны повит.

О нет, она живет вдали от всех, не жаждет
Величия царей, средь пышности
не страждет,
Не падает во прах под тяжестью потерь,
Что часто так у нас случается теперь!

Политики она нисколько не боится,
Той еретички злой, что лишь
на срок трудится.
Но высоко стоит, уверенная в том,

Что пламя и вода и все – ей нипочем.

Чтоб боле ясным быть – ссылаюсь на дела

Погибших за добро и живших лишь для зла.

125. «Скажи, к чему носить мне…»

Скажи, к чему носить мне
внешние отличья,
Тем отдавая дань наружному приличью,
И создавать столпы для вечности слепой,
Клонящиеся в прах пред тленностию злой?

Я ль не видал, что те, которые искали
Отличий и чинов, их вслед за тем теряли,
Затем что, век платя недешево за честь,
Не помнили того, что ведь и счастье есть.

Пусть близ тебя вкушать я буду наслажденье;
А ты прими мое благое поклоненье,
Которое во мне правдивее всего
И требует взамен лишь сердца одного.

Итак, доносчик, – прочь!

Душа, как ни прекрасна,

Чем больше стеснена, тем менее подвластна.

126. «О, мальчик, в власти чьей…»

О, мальчик, в власти чьей —
как это каждый знает —
И зеркало любви, и Времени коса,
Ты все растешь, тогда
как сверстников краса,
Тускнея с каждым днем, все больше увядает.

Когда природа – царь живущего всего —
Тебя в пути своем удерживает властно,
То делает она все это для того,
Чтоб Время знало, что спешит оно напрасно.

О, бойся ты ее, способную сгубить
И задержать в пути,
а не с любовью встретить,
Но на призыв ее придется все ж ответить,
Она ж должна свое подобье сотво-

рить[1].

[1] Примечания: 1
И в подлиннике здесь недостает двух стихов. — *Прим. Н.В. Гербеля.*

127. «Кто б черное посмел прекрасным…»

Кто б черное посмел прекрасным
встарь считать?
А если б и посмел – оно б не заблистало;
Теперь же чернота преемственною стала,
Тогда как красоту всяк стал подозревать.

С поры той, как рука вошла
в права природы
И начали себя подкрашивать уроды,
Волшебной красоте нет места на земле:
Поруганная злом, она живет во мгле.

Вот почему черны глаза моей прекрасной:
Они скорбят, что те, которые судьбой
С рожденья снабжены

наружностью ужасной,
Природу топчут в грязь
фальшивой красотой,

Но в трауре своем они все ж так прекрасны,
Что похвалы в их честь всегда единогласны.

128. «О, музыка моя, бодрящая мой дух...»

О, музыка моя, бодрящая мой дух,
Когда на клавишах так чудно ты играла
И из дрожавших струн
ряд звуков извлекала,
Будивших мой восторг и чаровавших слух, —

Как клавишами быть хотелось мне, поэту,
Лобзавшими в тиши ладони рук твоих
В то время, как устам,
снять мнившим жатву эту,
Лишь приходилось рдеть огнем
за дерзость их.

Как поменяться б им приятно было местом
С толкущейся толпой дощечек костяных,

Рабынь твоих перстов, манящих
каждым жестом
И сделавших ту кость
счастливей уст живых,

Но если клавиш хор доволен, торжествуя,
Отдай им пальцы, мне ж —
уста для поцелуя.

129. «Постыдно расточать души могучей силы…»

Постыдно расточать души могучей силы
На утоленье злых страстей,
что нам так милы:
В минуту торжества они бывают злы,
Убийственны, черствы, исполнены хулы,
Неистовы, хитры, надменны, дерзновенны —
И вслед, пресытясь всем,
становятся презренны:
Стремятся овладеть предметом без труда,
Чтоб после не видать вкушенного плода;
Безумствуют весь век
под бременем желанья,
Не зная уз ни до, ни после обладанья,

Не ведая притом ни горя, ни утех,
И видят впереди лишь омут, полный нег.

Все это знает мир, хотя никто не знает,
Как неба избежать, что в ад нас посылает.

130. «Лицом моя любовь на солнце не похожа…»

Лицом моя любовь на солнце не похожа,
Кораллы ярче, чем уста ее горят,
Когда снег бел, то грудь прекрасной
с ним не схожа,
А волосы есть шелк – у ней их не каскад.

Я видел много роз,
в садах хранимых строго,
Но им подобных нет у милой на щеках,
А благовоний вкруг найдется лучших много,
Чем то, что на ее покоются устах.

Я лепету ее внимать люблю, но знаю,
Что музыка звучит и лучше, и нежней,
И к поступи богинь никак не прировняю
Вполне земных шагов возлюбленной моей.

И все же для меня она стократ милее
Всех тех, кого сравнить возможно б было
с нею.

131. «Такой же ты тиран, как те, что, возгордясь...»

Такой же ты тиран, как те, что, возгордясь
Своею красотой, жестоко поступают,
Затем что знаешь ты, что,
в душу мне вселясь,
Твои черты светлей сокровищ всех сияют.

А вот ведь говорят видавшие тебя,
Что вызвать вздох любви
лицо твое не может.
Не смею возражать – боюсь,
что не поможет,
Хотя в том пред собой готов поклясться я.

И то, в чем я клянусь, доказывает ясно
Рой вздохов уст моих, при мысли о твоем
Нахмуренном лице, мне шепчущих о

том,
Что в любящей тебе и черное прекрасно.

В поступках лишь черна
порой бываешь ты —
И вот в чем вижу я причину клеветы.

132. «Люблю твои глаза, которые, жалея...»

Люблю твои глаза, которые, жалея
Меня за то, что ты смеешься надо мной,
Оделись в черный флер и с тихою тоской
Глядят на мой позор, все более темнея.

О, никогда таким обилием румян,
Восстав, светило дня Восток не озаряло,
И звездочка зари вечерней сквозь туман
Таких живых лучей на Запад не бросала,

Какими этот взор покрыл лицо твое.
Так пусть же и душа твоя, как эти очи,
Грустит по мне и днем,
и в мраке тихой ночи,
Когда твоя печаль так скрасила ее.

Тогда я поклянусь, что красота
лишь в черном,
И цвет иной лица начну считать позорным.

133. «Проклятие тебе – проклятие тому…»

Проклятие тебе – проклятие тому,
Кто раны мне несет и другу моему!
Иль мало было сбить с пути меня, подруга,
Понадобилось сбить с него тебе и друга.

Я похищен тобой, красавица моя,
А вместе с тем и он, мое второе «я»,
Покинутый собой, тобой и им, в стремленье,
Я трижды испытал троякое мученье.
Замкни меня в свою сердечную тюрьму,
Но выйти из нее дай другу моему.
Я буду стражем тех, кто овладеет мною,
Но ты быть не должна тюремщицею злою.

А будешь, потому что узник тот я

сам, —
И все, что есть во мне, ты приберешь
к рукам.

134. «Итак, я признаю, что твой он, жизнь моя…»

Итак, я признаю, что твой он, жизнь моя,
И что я должен сам тебе повиноваться.
От самого себя готов я отказаться,
Но только возврати мое второе «я».

Ты воли не даешь, а он ее не просит
И жадности твоей всю горечь переносит, —
И подписал тот акт, как поручитель мой,

Который крепко так связал его с тобой.
Итак, вооружись, нам общая подруга,
Законами своей волшебной красоты;
Как ростовщик свой иск
на нас предъявишь ты,
И я из-за своей вины лишуся друга.

Я потерял его, над нами – власть твоя:
Заплатит он за все, но несвободен я.

135. «Есть страсти у других, а у тебя есть воля...»

Есть страсти у других, а у тебя есть воля[2],

И Воля есть еще в придачу у тебя,

Что волю, друг, твою теснит порой, любя,

Причем и несладка твоя бывает доля.

Ужели воли слить ни разу не могла

С моею ты своей, чья воля безгранична?

Ужель пред волей всех

уклончивость прилична,

А пред моей склонить нельзя тебе чела?

Моря полны водой, но дождь воспринимают

---

[2] Примечания: 2

Здесь непереводимая игра слов, основанная на одинаковости слов *will* — «воля» и *Will* — уменьшительное от «Вильям». При переводе этого места пришлось поставить вместо уменьшительного *Will* уменьшительное же — «Воля», от «Владимир». — *Прим. Н.В. Гербеля.*

И мощно тем свои запасы пополняют.

Итак, когда сильна ты волею своей,

Попробуй к ней подлить хоть капельку моей.

Итак, ты ни добру, ни злу не поддавайся

И верной Воле быть подругой постарайся.

136. «Когда тебя гнетет присутствие мое...»

Когда тебя гнетет присутствие мое,
Ты поклянись душе, что воля я благая,
—
И доступ потому свободен мне в нее.
Так просьбу ты мою исполни, дорогая!

И станет Воля вновь сокровищем утех
—
И сердце вмиг твое наполнит и осветит.
В большом пространстве мест
достаточно для всех,
Да одного в толпе никто и не заметит.

Так пусть с другими я пройду
хоть и не в счет:
Поверь, мне все равно —
мне только б место было.
Считай меня за все, что в голову при-

дет,
Лицо тебе мое было бы только мило.

Ты имя полюби; ну а любовь твоя
Придет ко мне сама, затем что Воля – я.

137. «Слепой и злой Амур…»

Слепой и злой Амур,
что сделал ты с глазами
Моими, что они, глядя, не видят сами,
На что глядят? Они толк знают в красоте,
А станут выбирать – блуждают в темноте.

Когда глаза мои, подкупленные взором
Твоим, вошли в залив, куда все мчится хором,
Зачем из лживых глаз ты сделала крючок,
На жало чье попал я, словно червячок?

Зачем я должен то считать необычайным,
Что в бренном мире всем
считается случайным,
А бедные глаза, не смея отрицать,
Противное красе красою называть?

И так ошиблись глаз
и сердце в достоверном —
И рок их приковал
к достоинствам неверным…

138. «Когда она себя правдивой называет...»

Когда она себя правдивой называет,
Я верю ей, хотя мой ум не доверяет,
Чтоб милая меня считала простаком,
Чей слабый ум
с людской неправдой незнаком.

Воображая, что она меня считает
За птенчика, хоть то, что я немолод, знает, —
Я верить языку всегда ее готов,
Хотя и много лжи в потоках наших слов.

Что б ей сознаться, что она несправедлива,
А мне, что я старик, что тоже некрасиво?
Увы, любовь, таясь, не любит доверять,
А старость, полюбя, года твои считать!

Вот почему я с ней, она со мной – лукавим

И недостатков рой своих

друг в друге славим.

139. «Не требуй, чтобы я оправдывал словами...»

Не требуй, чтобы я оправдывал словами
Тебя в обиде злой, мне сделанной тобой!
Ты грудь мне языком пронзай,
но не глазами
Открыто нападай, но не язви змеей.

Скажи, что страсть тебя
к другому привлекает,
Но от меня лицо не отвращай свое.
Зачем хитрить, когда могущество твое
Меня без всяких средств
к защите оставляет?

Что мне сказать? Про то, что
взгляд ее врагом
Моим был с ранних лет,
она прекрасно знает —

И потому, меча лучи его кругом,
Она от моего лица их отвращает.

Повремени ж! Но так как я почти убит,
То пусть твой взгляд со мной
скорее порешит!

140. «Настолько ж будь умна…»

Настолько ж будь умна,
насколько ты жестока,
И больше не пытай терпенья моего, —
Иначе скорбь внушит мне выразить широко
Всю горечь мук моих, не скрывши ничего.

Хочу я научить тебя, уча благому,
Шептать мне не любя, что любишь ты меня,
Как шепчет эскулап опасному больному,
Надеждой встать с одра несчастного маня.

Ведь, впав в тоску,
могу я сделаться безумным
И о тебе подчас недоброе сказать,
А свет настолько стал лукав и вольнодумен,

Что сыщется сейчас два уха, чтоб внимать.

Итак, чтоб вновь не быть оставленною мною,

Ты мне смотри в глаза, хотя бы и с враждою.

141. «Ты не для глаз моих пленительно-прекрасна...»

Ты не для глаз моих пленительно-прекрасна.
Ты представляешь им
лишь недостатков тьму;
Но что мертво для них,
то сердце любит страстно,
Готовое любить и вопреки уму.

Ни пламя нежных чувств,
ни вкус, ни обонянье,
Ни слух, что весь восторг
при звуках неземных,
Ни сладострастья пыл, ни трепет ожиданья
Не восстают в виду достоинств всех твоих.

А все ж ни все пять чувств,
ни разум мой не в силе
Заставить сердце в прах

не падать пред тобой,

Оставив вольной плоть, которая весь свой

Похоронила пыл в тебе, как бы в могиле.

Одну лишь пользу я в беде моей сознал,

Что поводом к греху рок грех мой покарал.

142. «Мой грех – любовь…»

Мой грех – любовь,
твое ж достоинство – презренье
Ко мне за тяжкий грех, за то, что я любил;
Но ты сравни свое с моим
лишь положенье —
И ты поймешь, что я его не заслужил.

Когда же – заслужил, то не из осквернённых
Твоих пурпурных уст,
злой ложью клятв твоих,
Подобно мной самим добытым у других,
Так много, много раз в тиши запечатленных.

Да, я люблю тебя, как любишь ты других,
Чьих взглядов жаждешь ты,
как жажду я твоих.

Вскорми ж в груди своей
святое снисхожденье,
Чтоб добыло самой тебе оно прощенье.

Когда ты не даешь того, что в силах дать,
То можно и тебе в просимом отказать.

143. «Как вставшая с зарей хозяйка-хлопотунья…»

Как вставшая с зарей хозяйка-хлопотунья,
Увидя, что ее пернатая крикунья
Не возле, позабыв дитя свое, бежит
За той, кого рука ей скоро возвратит,

Тогда как в люльке он —
покинутый ребенок —
К ней тянется в слезах
из сбившихся пеленок,
К ней, кто в мгновенье то,
забыв о том, что мать,
Лишь мыслит, как бы ей
беглянку отыскать, —

Ах, так и ты бежишь за тем, кто черств душою,
Тогда как я, твой сын, бегу сам за тобою!
Но если ты найдешь желанное – вер-

нись,
Роль матери сыграй и вновь ко мне склонись.

Я ж помолюсь, чтоб Бог скрепил
твои желанья;
Лишь возвратись скорей
унять мои страданья.

144. «Мне две любви дано для радостей и горя...»

Мне две любви дано для радостей и горя,
Несущие меня подобно духам моря;
Из них один благой, с пленительным лицом,
Другой же – семя зла и женщина притом.

Чтоб в ад меня увлечь,
злой гений похищает
Благого у меня, в надежде обольстить
И в дьявола его из духа превратить,
В чем искони ему гордыня помогает.

Успел ли ангел мой иль нет
злым духом стать —
Могу предполагать, не смея утверждать;
Но так как мрак укрыл
и сделал их друзьями,

То, верно, ангел мой в аду теперь с чертями.

И – сомневаясь – ждать я буду,

в свой черед,

Пока мой мрачный дух благого не пожрет.

145. ««Я ненавижу!» – с уст, изваянных любовью…»

«Я ненавижу!» – с уст, изваянных любовью,
Слетело мне вослед с губительным «уйди» —
Мне, сердце чье, томясь по ней,
сочилось кровью.
Когда ж она мой пыл заметила, в груди
Ее вдруг вспыхнул жар —
и полились укоры
Из сокровенных недр на трепетный язык,
Который до тех пор был кроток и привык
Лишь изливать одни благие приговоры.
Смысл слов был изменен:
конец прибавлен был,
Слетевший им вослед,

как день за ночью грешной,
Подобно Сатане, вождю подземных сил,
Низвергнутому в ад
бездонный и кромешный.

«Я ненавижу!» – вновь слетает с уст ее:
«Но не тебя!» – и вновь живу и счастлив я.

146. «О, бедная душа, игралище страстей...»

О, бедная душа, игралище страстей
И мощный центр моей
греховной плоти всей,
К чему, когда внутри томишься и страдаешь,
Снаружи так себя ты пышно украшаешь?

К чему желаешь ты на столь короткий срок
Истратить столько сил
для бренного жилища?
Ужели для того, чтоб червь,
жилец кладбища,
Твой выхоленный труп точить удобней мог?

Нет, лучше ты живи на счет богатства тела —
И чтоб оно – не ты – все более слабело!

По дорогой цене уступки продавай!

Богатой будь внутри, а внешность – забывай!

Питайся смерти ты своей лишь достояньем —

И смерть не устрашит тебя своим стенаньем!

147. «Увы, любовь моя, подобно лихорадке...»

Увы, любовь моя, подобно лихорадке,
Стремится лишь к тому,
что гибельно в припадке,
И кормится лишь тем, что муки наши длит,
В надежде тем унять свой волчий аппетит.

Мой разум, враг любви
и нежных воздыханий,
Неважностью своих рассерженный забот,
Ушел – и вижу я, что рой моих желаний
Мне не бальзам для ран, а смерть мою несет.

Неисцеленный, сил и разума лишенный
И долгою борьбой до пены доведенный,
Сержусь и говорю как сумасшедший я,

Надолго уклонясь от цели бытия.

Иль я не клялся в том, что ты,
как день, ясна,
Когда ты, словно ночь,
как темный ад, черна?

148. «Как страсть могла вложить мне...»

Как страсть могла вложить мне
в голову глаза,
Не видящие в тьме житейской ни аза?
Когда ж не лгут они, то где ж
гулял мой разум,
Охаявший все то, что восхвалялось глазом?

Когда красиво все, что нравится глазам,
То почему же свет не доверяет нам?
Когда ж свет прав – глаза, знать,
у любви плохие
И видят хуже, чем все люди остальные.

И точно, глаз любви не может верен быть,
Привыкнув лишь к тому,
чтоб бдеть и слезы лить.

Немудрено, что взор неверен мой и тмится:
И солнце не блестит, пока не прояснится!

Любовь, твой страшный пыл
глаза мои обжег,
Чтоб недостатки взор твои прозреть не мог.

149. «Как ты могла сказать, что не любима мной...»

Как ты могла сказать, что не любима мной,
Когда из-за тебя враждую сам с собою,
Когда лишь о тебе я думаю одной?
Люблю ли я того, не занят кто тобою?

Ласкаю ли я тех, кого не любишь ты?
Когда же ты порой мне гневом угрожаешь,
Не наполняю ль я —
что ты, конечно, знаешь —
Лишь вдохами своей душевной пустоты?

Нет доблести во мне
настолько недоступной,
Чтоб пренебречь на миг служением тебе,
Когда боготворит все лучшее во мне

Поступок каждый твой,
хотя бы и преступный.

Но не люби меня: я вижу наконец,
Что зрячих любишь ты,
тогда как я – слепец.

150. «Что силою тебя такою наделяет...»

Что силою тебя такою наделяет,
Что можешь ты влиять так сильно на меня?
И что меня гнетет и клясться заставляет,
Что лучезарный свет не украшает дня?

Откуда ты берешь те чары обаянья,
Которые влекут и придают твоим
Всем недостаткам вид такой очарованья,
Что каждый мне из них становится святым?

Кто научил тебя любить себя заставить,
Когда я мог питать лишь ненависть к тебе?
Хоть и люблю я то, что многие бесславят,

Все ж брани не должна ты позволять себе.

Но если страсть во мне к себе ты возбудила,

Тем боле стою я, чтоб ты меня любила.

151. «Любовь так молода...»

Любовь так молода,
и где ей знать, что – совесть!
Но кто не знает, друг, ее рожденья повесть!
Так ты не упрекай меня в моих грехах,
Чтобы самой не впасть в такие ж впопыхах.

Твоя измена, друг, нередко заставляет
И бедного меня для плоти изменять:
Душа мирволит ей в любви торжествовать,
А – жалкая – она того лишь и желает.

И вот она, восстав при имени твоем,
Указывает всем на лик твой с торжеством,
Довольствуяся тем, чтоб быть твоей рабою
И всячески служить тебе самой собою.

Что ж – что я ту зову «любовью»,

чья *любовь*
То дух подъемлет мой,
то нудит падать вновь!

152. «Я полюбил тебя, тем клятву нарушая...»

Я полюбил тебя, тем клятву нарушая;
Но ты попрала две; в любви дав клятву мне,
Забыла о другой; меня же покидая,
Ты изменила вновь, вторично и вполне.

Как упрекать тебя в попранье двух обетов,
Когда по сотне их гнетет нас всех – поэтов!
Стократ виновней я, клянясь тебе во вред,
Чем ты, к кому давно во мне уж веры нет,

Тогда как прежде я всегда так
громко клялся,
Что ты добра, умна – и этим наслаждался,
И даже, чтоб тебе сияния придать,
Решался образ твой прекрасным назы-

вать,

Преступно злую ложь за правду выдавая,

В чем и винюсь тебе, о истина святая!

153. «Пред сном Амур на дерн…»

Пред сном Амур на дерн
свой факел положил;
Но нимфа темных рощ тот факел похитила
И пламенник его, живящий сердца пыл,
В сверкающий ручей долины погрузила,

Который у огня любви тем похитил
Его живящий жар и вечное кипенье,
И тем себя в ручей целебный превратил,
Дающий в роковых болезнях исцеленье.

Но факел взор любви опять воспламенил —
И крошка вздумал им груди моей
коснуться,
Сраженный им, пошел в ключе я окунуться,
Чтоб влагою его унять душевный пыл.

Но что ни делал я, все было —

труд напрасный,

Меня лишь исцелят глаза моей прекрасной.

154. «Раз, возле положив свой факел огнеметный…»

Раз, возле положив свой факел огнеметный,
Заснул малютка-бог с улыбкой беззаботной;
Но сонм прелестных нимф,
веселый и живой,
Приблизился к нему —
и девственной рукой

Одна из них взяла тот факел,
свет свой ливший
И миллиарды душ уже испепеливший,
И – в миг, когда сердец властитель роковой
Дремал, лишенный сил невинности рукой,

Она в ключе лесном тот факел погасила,
В котором под огнем любви таилась сила,

И стал тот ключ навек
целительным ключом;
Но я, весь век твоим считаяся рабом,

Узнал, сойдя с него, что если согревает
Страсть воду, то вода ее не охлаждает.

Sonnets
Избранные сонеты на английском языке

1. «From fairest creatures we desire increase...»

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:

But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame
with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.

Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content
And, tender churl, mak`st waste in niggarding.

Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and

thee.

4. «Unthrifty loveliness, why dost thou spend…»

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing but doth lend,
And being frank she lends to those are free.

Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?

For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?

Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

5. «Those hours, that with gentle work did frame…»

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same,
And that un-fair which fairly doth excel:

For never-resting Time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there,
Sap checked with frost
and lusty leaves quite gone,
Beauty
o'er-snowed and bareness everywhere.

Then, were not summer's distillation left
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it nor no remembrance what it was.

But flowers distilled,
though they with winter meet,

Lose but their show;
their substance still lives sweet.

6. «Then let not winter's ragged hand deface…»

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure
thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed:

That use is not forbidden usury
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier be it ten for one:

Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee.
Then what could death do
if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?

Be not self-willed, for thou art much too fair

To be death's conquest
and make worms thine heir.

7. «Lo in the orient when the gracious light…»

Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under-eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;

And having climbed
the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:

But when from highmost pitch,
with weary car,
Like feeble age he reeleth from the day,
The eyes (fore duteous) now converted are
From his low tract and look another way:

So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlooked on diest unless thou get a son.

10. «For shame! deny that thou bear'st love to any…»

For shame! deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lovest is most evident;

For thou art so possess'd with murderous hate,
That 'gainst thyself
thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.

O, change thy thought,
that I may change my mind,
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:

Make thee another self, for love of me,

That beauty still may live in thine or thee.

13. «O, that you were yourself! but, love, you are...»

O, that you were yourself! but, love, you are
No longer yours than you yourself here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give.

So should that beauty which you hold in lease
Find no determination: then you were
Yourself again after yourself's decease,
When your sweet issue
your sweet form should bear.

Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?

O, none but unthrifts! Dear my love, you

know
You had a father: let your son say so.

18. «Shall I compare thee to a summer's day?..»

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;

Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimm'd;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's
changing course untrimm'd:

But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou owest,
Nor shall Death brag thou
wandre'st in his shade,
When in eternal lines to time thou growest,

So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this and this gives life to thee.

22. «My glass shall not persuade me I am old…»

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date;
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate.

For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me:
How can I then be elder than thou art?

O, therefore, love, be of thyself so wary
As I, not for myself, but for thee will;
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill.

Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gavest me thine, not to give back again.

24. «Mine eye hath play'd the painter…»

Mine eye hath play'd the painter
and hath stell'd
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is the painter's art.

For through the painter must you see his skill,
To find where your true image pictured lies;
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with thine eyes.

Now see what good turns eyes for eyes
have done:
Mine eyes have drawn thy shape,
and thine for me
Are windows to my breast,
where-through the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee:

Yet eyes this cunning want to grace their

art,
They draw but what they see,
know not the heart.

29. «When, in disgrace with fortune and men's eyes…»

When, in disgrace with fortune and men's eyes,
I all alone beweep my outcast state
And trouble deal heaven with my bootless cries
And look upon myself and curse my fate,

Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him
with friends possess'd,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;

Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, and then my state,
Like to the lark at break of day arising
From sullen earth, sings hymns
at heaven's gate;

For thy sweet love remember'd such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

30. «When to the sessions of sweet silent thought…»

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail
my dear time's waste:

Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid
in death's dateless night,
And weep afresh love's long
since cancell'd woe,
And moan the expense of many
a vanish'd sight:

Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before.

But if the while I think on thee, dear friend,
All losses are restored and sorrows end.

33. «Full many a glorious morning have I seen…»

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain-tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy;

Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:

Even so my sun one early morn did shine
With all triumphant splendor on my brow;
But out, alack! he was but one hour mine;
The region cloud hath mask'd him
from me now.

Yet him for this my love no whit disdaineth;
Suns of the world may stain

when heaven's sun staineth.

40. «Take all my loves, my love, yea, take them all…»

Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more
than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst
true love call;
All mine was thine before
thou hadst this more.

Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refusest.

I do forgive thy robbery, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet, love knows, it is a greater grief
To bear love's wrong
than hate's known injury.

Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites; yet we must not be foes.

42. «That thou hast her, it is not all my grief…»

That thou hast her, it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee, is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.

Loving offenders, thus I will excuse ye:
Thou dost love her,
because thou know'st I love her;
And for my sake even so doth she abuse me,
Suffering my friend
for my sake to approve her.

If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend
hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross:

But here's the joy; my friend and I are one;
Sweet flattery! then she loves but me alone.

46. «Mine eye and heart are at a mortal war...»

Mine eye and heart are at a mortal war
How to divide the conquest of thy sight;
Mine eye my heart
thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.

My heart doth plead that
thou in him dost lie —
A closet never pierced with crystal eyes —
But the defendant doth that plea deny
And says in him thy fair appearance lies.

To 'cide this title is impanneled
A quest of thoughts, all tenants to the heart,
And by their verdict is determined
The clear eye's moiety and
the dear heart's part:

As thus; mine eye's due is thy outward part,

And my heart's right thy inward love of heart.

47. «Betwixt mine eye and heart a league is took…»

Betwixt mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:
When that mine eye is famish'd for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,

With my love's picture then my eye doth feast
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest
And in his thoughts of love doth share a part:

So, either by thy picture or my love,
Thyself away art resent still with me;
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them and they with thee;

Or, if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart to heart's and eye's delight.

52. «So am I as the rich, whose blessed key…»

So am I as the rich, whose blessed key
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.

Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming, in the long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.

So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprison'd pride.

Blessed are you, whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph; being lack'd, to

hope.

53. «What is your substance, whereof are you made…»

What is your substance, whereof are you made,
That millions of strange shadows on you tend?
Since every one hath, every one, one shade,
And you, but one, can every shadow lend.

Describe Adonis, and the counterfeit
Is poorly imitated after you;
On Helen's cheek all art of beauty set,
And you in Grecian tires are painted new:

Speak of the spring and foison of the year;
The one doth shadow of your beauty show,
The other as your bounty doth appear;
And you in every blessed shape we know.

In all external grace you have some part,
But you like none, none you,
for constant heart.

56. «Sweet love, renew thy force; be it not said…»

Sweet love, renew thy force; be it not said
Thy edge should blunter be than appetite,
Which but to-day by feeding is allay'd,
To-morrow sharpen'd in his former might:

So, love, be thou; although to-day thou fill
Thy hungry eyes even till they wink
with fullness,
Tomorrow see again, and do not kill
The spirit of love with a perpetual dullness.

Let this sad interim like the ocean be
Which parts the shore,
where two contracted new
Come daily to the banks, that, when they see
Return of love, more blest may be the view;

Else call it winter, which being full of care
Makes summer's welcome thrice

more wish'd, more rare.

58. «That god forbid that made me first your slave…»

That god forbid that made me first your slave,
I should in thought control
your times of pleasure,
Or at your hand the account of hours to crave,
Being your vassal, bound to stay your leisure!

O, let me suffer, being at your beck,
The imprison'd absence of your liberty;
And patience, tame to sufferance,
bide each cheque,
Without accusing you of injury.

Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may privilege your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.

I am to wait, though waiting so be hell;

Not blame your pleasure, be it ill or well.

60. «Like as the waves make …»

Like as the waves make
towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end;
Each changing place with that
which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.

Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crown'd,
Crooked elipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now
his gift confound.

Time doth transfix the flourish set on youth
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow:

And yet to times in hope my verse shall stand,

Praising thy worth, despite his cruel hand.

64. «When I have seen by Time's fell hand defaced…»

When I have seen by Time's fell hand defaced
The rich proud cost of outworn buried age;
When sometime lofty towers I see down-razed
And brass eternal slave to mortal rage;

When I have seen the hungry ocean gain
Advantage on the kingdom of the shore,
And the firm soil win of the watery main,
Increasing store with loss and loss with store;

When I have seen such interchange of state,
Or state itself confounded to decay;
Ruin hath taught me thus to ruminate, —
That Time will come and take my love away.

This thought is as a death,
which cannot choose

But weep to have that which it fears to lose.

65. «Since brass, nor stone, nor earth…»

Since brass, nor stone, nor earth,
nor boundless sea,
But sad mortality o'er-sways their power,
How with this rage shall beauty hold a plea,
Whose action is no stronger than a flower?

O, how shall summer's honey breath hold out
Against the wreckful siege of battering days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but Time decays?

O fearful meditation! where, alack,
Shall Time's best jewel
from Time's chest lie hid?
Or what strong hand can
hold his swift foot back?
Or who his spoil of beauty can forbid?

O, none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may
still shine bright.

70. «That thou art blamed shall not be thy defect…»

That thou art blamed shall not be thy defect,
For slander's mark was ever yet the fair;
The ornament of beauty is suspect,
A crow that flies in heaven's sweetest air.

So thou be good, slander doth but approve
Thy worth the greater, being woo'd of time;
For canker vice the sweetest buds doth love,
And thou present'st a pure unstained prime.

Thou hast pass'd by the ambush
of young days,
Either not assail'd or victor being charged;
Yet this thy praise cannot be so thy praise,
To tie up envy evermore enlarged:

If some suspect of ill mask'd not thy show,
Then thou alone kingdoms of hearts
shouldst owe.

73. «That time of year thou mayst in me behold…»

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake
against the cold,
Bare ruin'd choirs, where late
the sweet birds sang.

In me thou seest the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.

In me thou see'st the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire,
Consumed with that which it
was nourish'd by.
This thou perceivest,

which makes thy love more strong,
To love that well which thou
must leave ere long.

74. «But be contented: when that fell arrest…»

But be contented: when that fell arrest
Without all bail shall carry me away,
My life hath in this line some interest,
Which for memorial still with thee shall stay.

When thou reviewest this, thou dost review
The very part was consecrate to thee:
The earth can have but earth,
which is his due;
My spirit is thine, the better part of me:

So then thou hast but lost the dregs of life,
The prey of worms, my body being dead;
The coward conquest of a wretch's knife,
Too base of thee to be remembered.

The worth of that is that which it contains,
And that is this, and this with thee remains.

76. «Why is my verse so barren of new pride…»

Why is my verse so barren of new pride,
So far from variation or quick change?
Why with the time do I not glance aside
To new-found methods and
to compounds strange?

Why write I still all one, ever the same,
And keep invention in a noted weed,
That every word doth almost tell my name,
Showing their birth and where
they did proceed?

O, know, sweet love, I always write of you,
And you and love are still my argument;
So all my best is dressing old words new,
Spending again what is already spent:

For as the sun is daily new and old,
So is my love still telling what is told.

78. «So oft have I invoked thee for my Muse…»

So oft have I invoked thee for my Muse
And found such fair assistance in my verse
As every alien pen hath got my use
And under thee their poesy disperse.

Thine eyes that taught the dumb on high to sing
And heavy ignorance aloft to fly
Have added feathers to the learned's wing
And given grace a double majesty.

Yet be most proud of that which I compile,
Whose influence is thine and born of thee:
In others' works thou dost but mend the style,
And arts with thy sweet graces graced be;

But thou art all my art and dost advance
As high as learning my rude ignorance.

81. «Or I shall live your epitaph to make…»

Or I shall live your epitaph to make,
Or you survive when I in earth am rotten;
From hence your memory death cannot take,
Although in me each part will be forgotten.

Your name from hence immortal life
shall have,
Though I, once gone, to all the world must die:
The earth can yield me but a common grave,
When you entombed in men's eyes shall lie.

Your monument shall be my gentle verse,
Which eyes not yet created shall o'er-read,
And tongues to be your being shall rehearse
When all the breathers of this world are dead;

You still shall live – such virtue

hath my pen —
Where breath most breathes,
even in the mouths of men.

83. «I never saw that you did painting need…»

I never saw that you did painting need
And therefore to your fair no painting set;
I found, or thought I found, you did exceed
The barren tender of a poet's debt:

And therefore have I slept in your report,
That you yourself being extant well might show
How far a modern quill doth come too short,
Speaking of worth, what worth
in you doth grow.

This silence for my sin you did impute,
Which shall be most my glory, being dumb;
For I impair not beauty being mute,
When others would give life and bring a tomb.

There lives more life in one of your fair eyes
Than both your poets can in praise devise.

87. «Farewell! thou art too dear for my possessing…»

Farewell!
thou art too dear for my possessing,
And like enough thou know'st thy estimate:
The charter of thy worth gives thee releasing;
My bonds in thee are all determinate.

For how do I hold thee but by thy granting?
And for that riches where is my deserving?
The cause of this fair gift in me is wanting,
And so my patent back again is swerving.

Thyself thou gavest, thy own worth then not knowing,
Or me, to whom thou gavest it, else mistaking;
So thy great gift, upon misprision growing,
Comes home again, on better judgment making.

Thus have I had thee, as a dream doth

flatter,
In sleep a king, but waking no such matter.

91. «Some glory in their birth, some in their skill…»

Some glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth,
some in their body's force,
Some in their garments,
though new-fangled ill,
Some in their hawks and hounds,
some in their horse;

And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest:
But these particulars are not my measure;
All these I better in one general best.

Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' cost,
Of more delight than hawks or horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:

Wretched in this alone, that thou mayst take

All this away and me most wretched make.

93. «So shall I live, supposing thou art true…»

So shall I live, supposing thou art true,
Like a deceived husband; so love's face
May still seem love to me, though alter'd new;
Thy looks with me, thy heart in other place:

For there can live no hatred in thine eye,
Therefore in that I cannot know thy change.
In many's looks the false heart's history
Is writ in moods and frowns
and wrinkles strange,

But heaven in thy creation did decree
That in thy face sweet love should ever dwell;
Whate'er thy thoughts
or thy heart's workings be,
Thy looks should nothing thence
but sweetness tell.

How like Eve's apple doth thy beauty grow,

If thy sweet virtue answer not thy show!

98. «From you have I been absent in the spring…»

From you have I been absent in the spring,
When proud-pied April dress'd in all his trim
Hath put a spirit of youth in every thing,
That heavy Saturn laugh'd
and leap'd with him.

Yet nor the lays of birds nor the sweet smell
Of different flowers in odour and in hue
Could make me any summer's story tell,
Or from their proud lap pluck them
where they grew;

Nor did I wonder at the lily's white,
Nor praise the deep vermilion in the rose;
They were but sweet, but figures of delight,
Drawn after you, you pattern of all those.

Yet seem'd it winter still, and, you away,
As with your shadow I with these did play.

99. «The forward violet thus did I chide…»

The forward violet thus did I chide:
Sweet thief, whence didst thou steal
thy sweet that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells
In my love's veins thou hast too grossly dyed.

The lily I condemned for thy hand,
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,
One blushing shame, another white despair;

A third, nor red nor white, had stol'n of both
And to his robbery had annex'd thy breath;
But, for his theft, in pride of all his growth

A vengeful canker eat him up to death.

More flowers I noted, yet I none could see
But sweet or colour it had stol'n from thee.

101. «O truant Muse, what shall be thy amends…»

O truant Muse, what shall be thy amends
For thy neglect of truth in beauty dyed?
Both truth and beauty on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.

Make answer, Muse: wilt thou not haply say
‘Truth needs no colour, with his colour fix’d;
Beauty no pencil, beauty’s truth to lay;
But best is best, if never intermix’d?’

Because he needs no praise,
wilt thou be dumb?
Excuse not silence so; for’t lies in thee
To make him much outlive a gilded tomb,
And to be praised of ages yet to be.

Then do thy office, Muse; I teach thee how
To make him seem long hence
as he shows now.

104. «To me, fair friend, you never can be old…»

To me, fair friend, you never can be old,
For as you were when first your eye I eyed,
Such seems your beauty still.
Three winters cold
Have from the forests shook
three summers' pride,

Three beauteous springs
to yellow autumn turn'd
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burn'd,
Since first I saw you fresh, which yet are green.

Ah! yet doth beauty, like a dial-hand,
Steal from his figure and no pace perceived;
So your sweet hue, which methinks
still doth stand,
Hath motion and mine eye may be deceived:

For fear of which, hear this, thou age unbred:

Ere you were born was beauty's summer dead.

106. «When in the chronicle of wasted time…»

When in the chronicle of wasted time
I see descriptions of the fairest wights,
And beauty making beautiful old rhyme
In praise of ladies dead and lovely knights,

Then, in the blazon of sweet beauty's best,
Of hand, of foot, of lip, of eye, of brow,
I see their antique pen would have express'd
Even such a beauty as you master now.

So all their praises are but prophecies
Of this our time, all you prefiguring;
And, for they looked but with divining eyes,
They had not skill enough your worth to sing:

For we, which now behold these present days,
Had eyes to wonder, but lack tongues
to praise.

115. «Those lines that I before have writ do lie…»

Those lines that I before have writ do lie,
Even those that said I could not love you dearer:
Yet then my judgment knew no reason why
My most full flame should afterwards burn clearer.

But reckoning Time, whose million'd accidents
Creep in 'twixt vows
and change decrees of kings,
Tan sacred beauty, blunt the sharp'st intents,
Divert strong minds to the course
of altering things;

Alas, why, fearing of Time's tyranny,
Might I not then say 'Now I love you best,'
When I was certain o'er incertainty,
Crowning the present, doubting of the rest?

Love is a babe; then might I not say so,
To give full growth to that which
still doth grow?

116. «Let me not to the marriage of true minds…»

Let me not to the marriage of true minds
Admit impediments. Love is not love
Which alters when it alteration finds,
Or bends with the remover to remove:

O no! it is an ever-fixed mark
That looks on tempests and is never shaken;
It is the star to every wandering bark,
Whose worth's unknown, although
his height be taken.

Love's not Time's fool, though rosy lips
and cheeks
Within his bending sickle's compass come:
Love alters not with his brief hours
and weeks,
But bears it out even to the edge of doom.

If this be error and upon me proved,

I never writ, nor no man ever loved.

117. «Accuse me thus: that I have scanted all…»

Accuse me thus: that I have scanted all
Wherein I should your great deserts repay,
Forgot upon your dearest love to call,
Whereto all bonds do tie me day by day;

That I have frequent been with unknown minds
And given to time your own
dear-purchased right
That I have hoisted sail to all the winds
Which should transport me farthest
from your sight.

Book both my wilfulness and errors down
And on just proof surmise accumulate;
Bring me within the level of your frown,
But shoot not at me in your waken'd hate;

Since my appeal says I did strive to prove
The constancy and virtue of your love.

120. «That you were once unkind befriends me now…»

That you were once unkind befriends me now,
And for that sorrow which I then did feel
Needs must I under my transgression bow,
Unless my nerves were brass
or hammer'd steel.

For if you were by my unkindness shaken
As I by yours, you've pass'd a hell of time,
And I, a tyrant, have no leisure taken
To weigh how once I suffered in your crime.

O, that our night of woe might
have remember'd
My deepest sense, how hard true sorrow hits,
And soon to you, as you to me, then tender'd
The humble slave which wounded bosoms fits!

But that your trespass now becomes a fee;
Mine ransoms yours, and yours
must ransom me.

121. «'Tis better to be vile than vile esteem'd…»

'Tis better to be vile than vile esteem'd,
When not to be receives reproach of being,
And the just pleasure lost which is so deem'd
Not by our feeling but by others' seeing:

For why should others false adulterate eyes
Give salutation to my sportive blood?
Or on my frailties why are frailer spies,
Which in their wills count bad
what I think good?

No, I am that I am, and they that level
At my abuses reckon up their own:
I may be straight,
though they themselves be bevel;
By their rank thoughts my deeds
must not be shown;

Unless this general evil they maintain,

All men are bad, and in their badness reign.

124. «If my dear love were but the child of state…»

If my dear love were but the child of state,
It
might for Fortune's bastard be unfather'd,
As subject to Time's love or to Time's hate,
Weeds among weeds, or flowers
with flowers gather'd.

No, it was builded far from accident;
It suffers not in smiling pomp, nor falls
Under the blow of thralled discontent,
Whereto the inviting time our fashion calls:

It fears not policy, that heretic,
Which works on leases of short-number'd hours,
But all alone stands hugely politic,
That it nor grows with heat nor drowns
with showers.

To this I witness call the fools of time,
Which die for goodness,

who have lived for crime.

126. «O thou, my lovely boy, who in thy power…»

O thou, my lovely boy, who in thy power
Dost hold Time's fickle glass, his sickle, hour;
Who hast by waning grown,
and therein show'st
Thy lovers withering as thy sweet self grow'st;

If Nature, sovereign mistress over wrack,
As thou goest onwards,
still will pluck thee back,
She keeps thee to this purpose, that her skill
May time disgrace and wretched minutes kill.

Yet fear her, O thou minion of her pleasure!
She may detain, but not still keep,
her treasure:
Her audit, though delayed, answered must

be,
And her quietus is to render thee.

129. «The expense of spirit in a waste of shame…»

The expense of spirit in a waste of shame
Is lust in action; and till action, lust
Is perjured, murderous, bloody, full of blame,
Savage, extreme, rude, cruel, not to trust,

Enjoy'd no sooner but despised straight,
Past reason hunted, and no sooner had
Past reason hated, as a swallow'd bait
On purpose laid to make the taker mad;

Mad in pursuit and in possession so;
Had, having, and in quest to have, extreme;
A bliss in proof, and proved, a very woe;
Before, a joy proposed; behind, a dream.

All this the world well knows;
yet none knows well
To shun the heaven that leads men
to this hell.

132. «Thine eyes I love, and they, as pitying me…»

Thine eyes I love, and they, as pitying me,
Knowing thy heart torments me with disdain,
Have put on black and loving mourners be,
Looking with pretty ruth upon my pain.

And truly not the morning sun of heaven
Better becomes the grey cheeks of the east,
Nor that full star that ushers in the even
Doth half that glory to the sober west,

As those two mourning eyes become thy face:
O, let it then as well beseem thy heart
To mourn for me, since mourning
doth thee grace,
And suit thy pity like in every part.

Then will I swear beauty herself is black
And all they foul that thy complexion lack.

134. «So, now I have confess'd that he is thine…»

So, now I have confess'd that he is thine,
And I myself am mortgaged to thy will,
Myself I'll forfeit, so that other mine
Thou wilt restore, to be my comfort still:

But thou wilt not, nor he will not be free,
For thou art covetous and he is kind;
He learn'd but surety-like to write for me
Under that bond that him as fast doth bind.

The statute of thy beauty thou wilt take,
Thou usurer, that put'st forth all to use,
And sue a friend came debtor for my sake;
So him I lose through my unkind abuse.

Him have I lost; thou hast both him and me:
He pays the whole, and yet am I not free.

135. «Whoever hath her wish, thou hast thy ‘Will,’…»

Whoever hath her wish, thou hast thy ‘Will,’
And ‘Will’ to boot, and ‘Will’ in overplus;
More than enough am I that vex thee still,
To thy sweet will making addition thus.

Wilt thou, whose will is large and spacious,
Not once vouchsafe to hide my will in thine?
Shall will in others seem right gracious,
And in my will no fair acceptance shine?

The sea all water, yet receives rain still
And in abundance addeth to his store;
So thou, being rich in ‘Will,’ add to thy ‘Will’
One will of mine, to make thy large ‘Will’ more.

Let no unkind, no fair beseechers kill;
Think all but one, and me in that one ‘Will’.

146. «Poor soul, the centre of my sinful earth…»

Poor soul, the centre of my sinful earth,
My sinful earth these rebel powers
that thee array;
Why dost thou pine within and suffer dearth,
Painting thy outward walls so costly gay?

Why so large cost, having so short a lease,
Dost thou upon thy fading mansion spend?
Shall worms, inheritors of this excess,
Eat up thy charge? is this thy body's end?

Then soul, live thou upon thy servant's loss,
And let that pine to aggravate thy store;
Buy terms divine in selling hours of dross;
Within be fed, without be rich no more:

So shalt thou feed on Death, that feeds on men,
And Death once dead, there's no more dying then.

147. «My love is as a fever, longing still…»

My love is as a fever, longing still
For that which longer nurseth the disease,
Feeding on that which doth preserve the ill,
The uncertain sickly appetite to please.

My reason, the physician to my love,
Angry that his prescriptions are not kept,
Hath left me, and I desperate now approve
Desire is death, which physic did except.

Past cure I am, now Reason is past care,
And frantic-mad with evermore unrest;
My thoughts and my discourse
as madmen's are,
At random from the truth vainly express'd;

For I have sworn thee fair
and thought thee bright,
Who art as black as hell, as dark as night.

148. «Oh me, what eyes hath Love put in my head…»

Oh me, what eyes hath Love put in my head,
Which have no correspondence
with true sight;
Or, if they have, where is my judgment fled,
That censures falsely what they see aright?

If that be fair whereon my false eyes dote,
What means the world to say it is not so?
If it be not, then love doth well denote
Love's eye is not so true as all men's 'No.'

How can it? O, how can Love's eye be true,
That is so vexed with watching and with tears?
No marvel then, though I mistake my view;
The sun itself sees not till heaven clears.

O cunning Love! with tears
thou keep'st me blind,
Lest eyes well-seeing thy foul faults

should find.